

Эмили Бронте ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ

Глава I

1801. — Я только что вернулся после визита к хозяину поместья, у которого арендовал жилье. В близлежащей округе это мой единственный сосед. Безо всякого сомнения, здесь райское местечко! Вряд ли во всей Англии можно отыскать подобный уголок, настолько удаленный от суеты общества. Просто рай для людей, предпочитающих уединенный образ жизни, таких как я и мой сосед. Думаю, что в этом смысле мы идеально подходим друг другу. Кроме того, он еще и замечательный человек! Впервые мы встретились, когда я подъехал к воротам его поместья верхом на коне, а он вышел меня встречать. Он смотрел на меня исподлобья, и во взгляде его черных глаз сквозила подозрительность. А когда я представился, он как-то пренебрежительно и очень решительно еще глубже засунул пальцы за свой жилет. Мое же сердце воспылало к нему симпатией, о которой он даже и не догадывался.

— Мистер Хитклиф? — спросил я.

В ответ он молча кивнул.

— Честь имею представиться, сер. Мистер Локвуд, Ваш новый квартиросъемщик. Я прибыл только что, и спешу выразить надежду, что не причиняю Вам неудобств своей настоятельной просьбой поселиться на время в Трашкросс Грендже. Я слышал давеча, что у Вас были определенные сомнения.

— Трашкросс Грендж принадлежит только мне! — перебил он недовольно. — Я не позволю, чтобы кто-то причинял мне неудобства без моего на то позволения! Проходите!

Слово «проходите» он произнес сквозь зубы, и прозвучало это как «Идите к черту!». И эта фраза, и практически закрытые ворота ясно давали понять: он не слишком рад моему визиту. Однако именно это обстоятельство и побудило меня принять его приглашение: я почувствовал интерес к человеку, который показался мне еще более замкнутым, чем я сам.

Когда он заметил, как моя лошадь достаточно активно напирает на ворота, он таки протянул руку и открыл ворота, а затем с угрюмым видом пошел передо мной по мощеной дорожке. Когда мы зашли во двор, он сказал: «Джозеф, прими лошадь мистера Локвуда и принеси нам немного вина».

— Пожалуй, это и есть вся прислуга, — подумал я, когда услышал такое двойное распоряжение. — Не удивительно, что между плит газона растет трава, а скот — единственный, кто подстригает живую изгородь.

Джозеф был пожилым, хотя нет, скорее старым, даже очень старым мужчиной, но, несмотря на это, крепким и мускулистым.

— Помоги нам Всевышний! — пробормотал он себе под нос с оттенком раздражительного недовольства, помогая мне в это время с моим конем. Он смотрел мне в лицо так угрюмо, что я снисходительно предположил, что это он нуждается в божественной помощи для усваивания своего обеда, и его обращение к Богу не имеет никакого отношения к моему неожиданному прибытию.

Обитель мистера Хитклифа именовалась Грозовой Перевал. Такое название в полной мере передает особенности погодных условий, которые царят в этой местности, открытой бушующей непогоде. Яростные пронизывающие ветра дуют там постоянно. О невероятной силе порывов северного ветра красноречиво свидетельствовали немногочисленные чахлые пихты в конце дома, наклоненные практически до земли, и ряды изможденного терновника, простирающего свои ветви в одну сторону — к солнцу, словно выпрашивая у него милости. К счастью, архитектор предусмотрительно спроектировал дом очень крепким: узкие окна утоплены в стены, а углы защищены большими выступающими камнями.

Прежде чем переступить порог жилища, я замедлил шаг, чтобы восхититься избытком гротескной резьбы по дереву на фронтальной части дома, а особенно вокруг центральной двери. Над ней, среди огромного количества рассыпающихся от времени грифонов и фигурок бесстыжих маленьких мальчиков, я обнаружил цифру «1500» и имя «Хертон Ирншоу». Я хотел было сделать несколько коротких замечаний и запросить короткую историческую справку по поводу этого места у его угрюмого владельца, фигура которого виднелась в дверях, но он потребовал, чтобы я или поспешил войти, или вовсе ушел. А у меня и в мыслях не было даже ненароком огорчить его прежде, чем я осмотрю дом изнутри.

Мы сразу же очутились в фамильной гостиной: никаких коридоров или других проходов. Здесь это и называют собственно «дом». Как правило, он состоит из кухни и общей комнаты. Однако я предположил, что кухня Грозового Перевала по какой-то причине располагается совершенно в другой части жилища, по крайней мере, я уловил чью-то болтовню и грохот кухонной утвари где-то в глубине дома. Также я не увидел никаких признаков того, чтобы что-то жарили, варили или пекли в огромном очаге, никаких начищенных медных кастрюль и жестяных дуршлагов на стенах. Хотя в одном месте действительно сияли словно жар целые горы жестяной посуды, перемежающейся с оловянными кувшинами и чашками; они возвышались ряд за рядом на огромных дубовых полках кухонного шкафа, достигающего до потолка. Этот шкаф никогда не переделывали, его неприхотливая простота не притягивала к себе любознательных взглядов, за исключением деревянного каркаса, заваленного овсяными лепешками и вялеными говяжьими, бараньими и свиными ногами. Сверху над камином размещались старые уродливые ружья и пара кавалерийских пистолетов, а вдоль всей полки, в качестве украшения, стояли три безвкусно расписанных короба. Пол был выложен ровным белым камнем; кресла примитивной конструкции с высокими спинками были окрашены в зеленый цвет, одно или два из них тяжеловесно чернели в полумраке. Под сводом кухонного шкафа для посуды лежала огромная коричнево-рыжая сука легавой, окруженная кучей повизгивающих щенков. В других нишах отдыхали другие собаки.

Комнаты и внутренняя обстановка не представляли бы из себя ничего необычного, если бы служили непритязательным жильем для северного фермера. Обычно это человек с выражением упрямого спокойствия на лице и крепкими лодыжками, виднеющимися между бриджами и гетрами. Таких личностей, которые одиноко сидят, опершись на подлокотники своего кресла и уставившись на пышную пену в кружке пива, стоящей перед ними на столе, можно встретить в любой округе в радиусе пяти-шести миль вокруг этих холмов, соответственно посетив их после обеда. Однако

мистер Хитклиф представлял собой своеобразный контраст между местом, в котором он жил, и образом его жизни. С виду это был темнокожий цыган, с манерами и в одежде джентльмена. То есть он был в той же мере джентльмен, как и большинство городских сквайров: в меру ленивый, возможно, несколько невнимательный к своей внешности, но не кажущийся неряшливым и неаккуратным, потому что сохранил свою статью и прямую осанку; а еще немного угрюмый. Полагаю, что некоторые люди не доверяют ему из-за его чрезмерной заносчивости. Однако по моему внутреннему ощущению, то, что о нем говорят, несколько не соответствует его характеру: я знаю (скорее интуитивно), что его замкнутость обусловлена его отвращением к показной демонстративности и выставлением напоказ взаимной привязанности. Он любит и ненавидит, скрывая свои чувства от посторонних, и воспримет как дерзость проявление на людях любви или ненависти к нему самому. Хотя, возможно, я слишком тороплюсь, приписывая ему свои собственные качества. У мистера Хитклифа могут быть свои, совершенно отличные от моих, аргументы, чтобы не раскрывать своих объятий тому, с кем он заводит знакомство. Позвольте мне надеяться, что моя душевная организация является совершенно уникальной. Моя дорогая мама говорила мне, что у меня никогда не будет уютного дома, а не далее как прошлым летом я доказал сам себе, что и впрямь не заслуживаю его.

Когда я в течение целого месяца наслаждался хорошей погодой на берегу моря, то находился там в компании самого обворожительного из всех созданий. В моих глазах она была настоящей богиней, ровно до тех пор, пока не обратила на меня внимания. Я никогда раньше не произносил слов любви. Тем не менее, если безмолвный язык любви существует, то даже самый невнимательный человек мог бы увидеть, что я влюблен в нее по уши. Она догадалась об этом последней, и решила ответить мне — самыми сладкими из всех воображаемых взглядов. И что же я сделал? Вынужден, к своему стыду, признаться, что я ушел в себя, словно улитка, а от каждого сияющего взгляда закрывался и отдалялся все больше, пока несчастная наивная девушка окончательно не усомнилась в своих чувствах, посчитав их ошибочными. Совершенно потрясенная, запутавшаяся во всем окончательно, она уговорила свою маменьку покинуть лагерь. Из-за этого нелепого случая я приобрел репутацию циничного мучителя сердец, что было абсолютно незаслуженно, но об этом знал лишь только я.

Я присел на краешек каменной плиты под очагом напротив того места, которое облюбовал для себя мой домовладелец, и решил заполнить молчаливую паузу попыткой приласкать суку. Та оставила своих щенков и стала хищнически подкрадываться сзади к моей ляжке. Ее губа

приподнялась, а белые зубы покрылись слюной, готовые в любой момент вонзиться в мою ногу. Мои ответные ласки вызывали лишь протяжное рычание.

— Вы бы лучше оставили собаку в покое, — проворчал мистер Хитклиф и топнул ногой, упреждая более агрессивное поведение. — Она к нежностям не приучена, мы не держим ее в качестве домашнего любимца. — Затем, широко ступая по направлению к боковой двери, он еще раз позвал: «Джозеф!»

Джозеф невнятно пробормотал что-то из глубины подвала, но в этих звуках не было даже и намека на то, что он поднимется наверх, так что его хозяин спустился к нему вниз. В результате я остался один на один с непредсказуемой сукой и парой зловещих мохнатых волкодавов, которые вместе с ней ревностно следили за всеми моими движениями. Не особо желая познакомиться с их клыками, я до определенного момента сидел неподвижно. Однако, решив, что они вряд ли понимают молчаливые оскорбления, я, к своему несчастью, разрешил себе подмигивать и корчить рожи этому трио. Однако некоторые мои гримасы так раздражили суку, что та внезапно, словно бешеная, принялась яростно скакать мне на колени. Я резко отпрянул назад и поспешил выставить между нами стол. Такое поведение расшевелило всю стаю. С полдюжины четвероногих демонов, разного размера и возраста, покинули свои невидимые логова и выступили на середину комнаты. Я почувствовал, как мои каблуки и подол пальто превратились в необычные объекты для нападения, и отражал атаки других, более крупных нападающих, с помощью кочерги, делая это как можно более воинственно и результативно. Я был вынужден просить о помощи, и громко призывал хоть кого-нибудь из числа домочадцев, чтобы, наконец, воцарился прежний порядок.

Мистер Хитклиф и его слуга поднялись из винного погреба с невозмутимым хладнокровием. Я не думаю, что они вернулись бы хоть на секунду быстрее, несмотря на то, что все пространство вокруг очага невообразимо кишело и визжало. К счастью, обитатели кухни быстро утихомирились: крепкая дама с раскрасневшимся лицом и подоткнутым подолом ринулась в самую гущу событий, практически с голыми руками. Она размахивала сковородой, которую использовала в качестве боевого оружия, и орала, да так ловко, что заварушка тотчас стихла самым магическим образом. Она так и оставалась стоять на своем месте, когда ее хозяин появился в центре событий; и только грудь ее вздымалась, словно морские волны во время шторма.

— В чем, черт подери, дело?! — спросил мистер Хитклиф, бросая на

меня пристальный взгляд. Однако я не собирался его долго терпеть, принимая во внимание столь недоброжелательное обхождение со мной.

— Действительно, что за чертовщина! — невнятно пробормотал я. — Целое стадо очумелых свиней менее одержимы, чем Ваши звери, сэр. Это равносильно тому, как если бы Вы оставили незнакомого человека одного среди целой стаи тигров.

— Они не трогают человека, который не трогает их, — заметил он. Он поставил передо мной бутылку и водворил передвинутый мною стол на место. — Для собак естественно быть начеку. Желаете рюмочку вина?

— Нет, спасибо.

— Вас не покусали?

— Если бы такая угроза возникла, я бы остановил нападающего своим четким ударом. Лицо Хитклифа расплылось в улыбке.

— Ладно, ладно, — сказал он. — Вы слишком напряжены, мистер Локвуд. Вот, выпейте немного вина. — Гости в этом доме бывают чрезвычайно редко, так что, вынужден признать, и я, и мои собаки едва ли знаем, как их следует принимать правильно. Ваше здоровье, сэр.

Я поклонился и произнес ответный тост. До меня постепенно доходило, что было бессмысленно вот так сидеть и обижаться на скверное поведение своры шавок; к тому же я не собирался впредь доставлять удовольствие другим за свой счет. Постепенно настроение владельца дома стало меняться. Очевидно, он мудро решил, что гораздо благоразумнее не обижать выгодного квартиросъемщика. Поэтому он перестал коверкать слова и завел разговор о том, что, по его мнению, могло представлять для меня интерес: завел беседу о плюсах и минусах того места, которое я избрал для своего уединения. Я нашел его весьма сведущим в затронутой теме, и настолько воодушевился, что перед уходом объявил о своем завтрашнем (отнюдь не обязательном) визите. Судя по всему, он бы предпочел избежать моего повторного вторжения в свои владения, однако, несмотря ни на что, я все-таки приду. Это просто удивительно, каким общительным чувствовал я себя по сравнению с ним.

Глава II

Вчера с обеда установился туман и похолодало. Я стал уже было подумывать о том, чтобы провести остаток дня в своем кабинете у камина, чем тащиться на Грозовой Перевал через всю пустошь по грязи. Приближалось время обеда (кстати, я обедаю между двенадцатью и часом дня). Дело в том, что домработница, почтенная женщина, приписанная к арендованному мною жилищу, не могла (а может, не хотела) удовлетворить

мою просьбу подавать мне обед к пяти часам. Я уже поднялся по лестнице и заходил в свою комнату, обдумывая свое неотчетливое намерение, когда увидел молодую служанку, стоящую на коленях перед камином. Вокруг была разбросана куча щеток, стояло ведро для угля, а из камина вырывались дьявольские клубы дыма, в то время как служанка пыталась затушить в огонь в камине, засыпая его пеплом. Эта картина заставила меня тут же повернуть назад. Я схватил свою шляпу и вышел из дома. Пройдя мили четыре, я уже был возле ворот сада Хитклифа. В это самое время с неба стали падать первые невесомые хлопья снега.

На этом, лишенном растительности и продуваемом всеми ветрами холме, земля была твердой и черной от холода и отсутствия снега, а ледящий воздух пробирал аж до дрожи во всем теле. Будучи не в силах справиться с замком на воротах, я перепрыгнул через ограду и взбежал по мощеной дорожке, засаженной по краям кустами крыжовника, и постучался в двери. Однако тщетно. Я колотил в двери, прося впустить меня, до тех пор, пока не начали дрожать мои щиколотки, а собаки протяжно не завывали.

— Что за ужасные обитатели! — мысленно воскликнул я. — Они заслуживают того, чтобы их навсегда изолировали от общества себе подобных за такое жуткое негостеприимство. Я бы, по крайней мере, не стал держать двери на замке в дневное время. Хотя сейчас меня это мало волнует: я все равно попаду внутрь! Со всей решительностью я схватился за щеколду и стал трясти ее со всей силой. Джозеф с кислым выражением лица высунул свою голову из круглого окна сарая.

— Ну чего Вам? — гаркнул он. — Хозяин не может выйти к Вам. Обойдите вокруг дома и пройдите на задний двор, если Вам так надо поговорить с ним.

— Может ли кто-то изнутри открыть мне двери? — закричал я так громко, чтобы меня могли услышать и откликнуться на мою просьбу.

— Там никого нет, только миссис, но она Вам не откроет, как бы настойчиво Вы ни шумели, пусть бы и до самой ночи.

— Почему? Не могли бы Вы сказать ей, кто я, а, Джозеф?

— Нет, нет, даже не просите, — проворчала голова и скрылась.

Снег повалил густыми хлопьями. Я уже было схватился за щеколду, чтобы предпринять повторную попытку, когда молодой человек без верхней одежды и с вилами на плече появился со стороны заднего двора. Он окликнул меня и пригласил следовать за ним. Минув прачечную, мощеную площадку с сараем для угля, помпу и голубятню, мы, наконец, очутились в просторной, светлой, теплой комнате, в которой меня принимали во время моего предыдущего визита. От камина, растопленного углем, торфом и дровами, вокруг исходило чудесное сияние. Возле стола,

богато накрытого для вечерней трапезы, я, к своему удовольствию, увидел «миссис», о существовании которой я до этого и не подозревал. Я поклонился и стал ждать, думая, что она предложит мне сесть. Она глянула на меня, откинувшись на спинку своего кресла, и продолжала оставаться на своем месте, не двигаясь и не произнося ни звука.

— Отвратительная погода! — заметил я. — Я переживал, миссис Хитклиф, чтобы Ваши двери устояли под моим напором, пока я чрезвычайно долго ждал слуг: мне пришлось хорошенько потрудиться, чтобы они меня услышали.

Она не проронила ни слова. Я пристально смотрел на нее, а она на меня. Во всяком случае, она не сводила с меня своего невозмутимого взгляда, игнорируя все нормы приличия, отчего я почувствовал себя очень неловко и даже смутился.

— Садитесь! — хрипло сказал молодой человек. — Хозяин скоро придет.

Я повиновался и сел, ноги меня плохо держали. Я окликнул проказницу Джуну, с которой мы встретились уже во второй раз. Легавая сука чуть заметно вильнула хвостом, соизволив таким образом подтвердить наше с нею знакомство.

— Красивая собака, — решил я продолжить разговор, заходя с другой стороны. — Вы собираетесь раздавать щенков, мадам?

— Они не мои, — ответила любезная хозяйка, причем настолько отталкивающе, как это не удалось бы и самому мистеру Хитклифу.

— А-а-а, Ваши любимцы, очевидно, находятся там! — продолжал я, оборотившись в сторону угла, из которого смутно проглядывали очертания диванных подушек, отдаленно напоминающие котов.

— Станный выбор для любимцев, — сказала она, смерив меня презрительным взглядом.

К моему ужасу, это была целая груда мертвых кроликов. У меня опять подкосились ноги, и я подвинулся к камину, повторяя свое замечание по поводу неудачного вечера.

— Вы не должны были приходиться, — сказала она, поднимаясь и пытаясь дотянуться до пары расписных коробов, стоящих над камином.

До этого она сидела в плохо освещенном месте, теперь же я отчетливо мог разглядеть и ее фигуру целиком, и выражение ее лица. Она была очень стройной, по-видимому, она только недавно вышла из своего подросткового возраста. Никогда ранее я не имел удовольствия созерцать столь превосходные формы и столь милое небольшое личико с утонченными чертами лица. Ее чрезвычайно светлые, белокурые локоны, вернее сказать, золотистые, свободно ниспадали вокруг ее шеи, а глаза, если бы они имели приятное выражение, были бы просто неотразимы. К

счастьем для моего впечатлительного сердца, единственное чувство, которое они выражали, располагалось где-то между пренебрежением и отчаянием, встретить которые здесь было странно. Коробы располагались достаточно высоко, и она не могла до них дотянуться, но когда я подался, чтобы помочь ей, она повернулась ко мне с таким выражением лица, с каким повернулся бы скряга, если бы кто-нибудь попытался помочь ему пересчитать его золото.

— Я не нуждаюсь в Вашей помощи! — огрызнулась она. — Я могу достать их и сама.

— Прошу простить меня, — поспешил ответить я.

— Вас приглашали на чай? — строго спросила она, повязывая передник поверх своего изящного черного платья. Она набрала в ложку заварку и поднесла ее к кружке.

— Я бы с удовольствием выпил чашку чая, — ответил я.

— Вас приглашали? — повторила она вопрос.

— Нет, — сказал я с полуулыбкой. — Но Вы, как радушная хозяйка, можете это сделать.

Она высыпала заварку обратно в короб, положила ложку на место, и вернулась в свое кресло в скверном расположении духа. Ее лоб нахмурился, а алая нижняя губа выдвинулась вперед, как у ребенка, готового расплакаться.

Тем временем молодой человек, скинув чрезвычайно обтрепанную верхнюю одежду, подошел к огню и презрительно посмотрел на меня краем глаза так, как если бы между нами пролегла смертельная вражда размером с целый мир. Я начал сомневаться, был он слугой или нет. Его одежда и речь были одинаково грубы и полностью лишены благородства, присущего мистеру Хитклифу и миссис Хитклиф. Его густые каштановые локоны были растрепаны, бакенбарды бесформенно разрослись по щекам, а кожа на руках имела коричневатый оттенок, как это обычно бывает у чернорабочих. Тем не менее, он держался свободно, чуть ли не высокомерно, и в его поведении не было даже намека на услужливое усердие по отношению к хозяйке дома. За неимением более полных доказательств его положения, я посчитал за лучшее воздержаться от замечаний по поводу его странного поведения. Пятью минутами позже появился мистер Хитклиф и облегчил мое, в некотором роде, неловкое положение.

— Как видите, сер, я пришел, а следовательно, сдержал свое обещание, — воскликнул я с напускной веселостью. — Я уже стал опасаться, что погода во второй половине дня сильно переменится, и мне придется просить Вас приютить меня у себя на некоторое время.

— На некоторое время? — сказал он, отряхивая белые хлопья со

своей одежды. — Я удивлен, что Вы решились поехать ко мне в самый разгар снежной бури. А Вы знаете, что избежали риска погибнуть на болотах? Даже люди, хорошо знающие эти места, часто сбивались с пути при таких обстоятельствах. Могу Вам сообщить, что Вы можете даже не рассчитывать на то, что погода переменится в ближайшее время.

— Пожалуй, я мог бы добраться до своего дома под руководством кого-то из Ваших провожатых, а он мог бы потом остаться в Трашкросс Грендже. Может, Вы бы могли мне дать кого-то из Ваших слуг, кто не очень занят?

— Нет, не мог бы.

— Нет, правда? Ну, раз так, то я просто вынужден полагаться на собственную прозорливость.

— Ну-ну!

— Ты собираешься готовить чай? — повелительно спросил Хитклиф у хозяина потрепанного кафтана, который попеременно бросал свой жуткий взгляд то на меня, то на молодую госпожу.

— Он тоже сядет с нами? — спросила она просительно у Хитклифа.

— В конце концов, подавайте же чай! — прозвучало в ответ, да так гневно, что я вздрогнул. В тоне, которым были произнесены эти слова, звучала нескрываемая злоба. Я уже не был уверен в том, что мог бы и в дальнейшем называть Хитклифа замечательным человеком. Когда все приготовления были завершены, он пригласил меня:

— А сейчас, сер, подвигайте поближе свое кресло, — и все мы, включая странного молодого человека, расселись вокруг стола. Абсолютное молчание сопровождало нашу трапезу на всем ее протяжении.

Я полагал, что если уж это я вызвал такое мрачное настроение, то моим долгом было развеять его, и таким образом исправить свою ошибку. Ведь не могли же они, в самом деле, каждый день вот так угрюмо молча сидеть за столом. Представить, что они постоянно пребывали в мрачном расположении духа и ходили с угрюмыми лицами, было решительно невозможно.

— Это просто удивительно, — начал я, выпив одну чашку чая и ожидая вторую, — просто удивительно, как так случилось, что Ваш образ жизни стал именно таким, каким он есть сейчас. Ведь много кто даже представить себе не может, что возможно счастливо жить в таком абсолютном уединении и отдалении от мира, в котором живете Вы, мистер Хитклиф. Более того, осмелюсь утверждать, что в окружении Вашей семьи, в присутствии Вашей любезной хозяйки дома, которая гениально хозяйничает и в Вашем доме, и в Вашем сердце...

— Моей любезной хозяйки дома... — прервал он меня с почти что дьявольской ухмылкой на лице. — Где она, моя любезная хозяйка дома?

— Я имел в виду Вашу жену, мистер Хитклиф.

— Ну да, Вы наверное хотели сказать, что ее душа помогает ангелам заботиться о Грозовом Перевале ровно с того момента, как душа покинула ее тело, и она умерла? Вы это хотели сказать?

Осознав, что допустил непростительную оплошность, я попытался ее исправить. Действительно, большая разница в возрасте не позволяла предположить, что они могут быть мужем и женой. Ему было около сорока — период расцвета умственных возможностей. В этом возрасте мужчина редко обманывает себя надеждами на то, что молодая девушка может выйти за него замуж по любви. Эти мечты он оставляет себе для преклонного возраста. Ей же на вид не было и семнадцати.

В тот момент меня осенило: неотесанный парень подле моего локтя, который хлебал свой чай словно из таза и ел хлеб немытыми руками, может быть ее мужем! Хитклиф-младший, ну конечно! Она живет так, словно похоронила себя заживо. Она полностью отреклась от себя, выйдя замуж за такого неотесанного мужлана, даже не представляя, что на свете существуют другие мужчины, более достойные ее! Печальная история! Я должен быть внимательным, чтобы ненароком не причинить ей боль от раскаяния в своем выборе. Это последнее умозаключение может показаться чересчур самоуверенным, но это не так. Мой сосед поразил меня как человек в высшей мере омерзительный; в то же время, благодаря своему жизненному опыту, я знал, что являюсь достаточно привлекательным.

— Миссис Хитклиф — моя невестка, — сказал Хитклиф, подтверждая мое предположение. Говоря это, он обернулся и по-особенному посмотрел в ее сторону; это был взгляд, полный ненависти. Хотя я могу ошибаться, если допустить, что мускулы на его лице расположены иначе, чем у остальных людей, а выражение его лица не является отображением его внутреннего состояния.

— Ну да, теперь я вижу, что это Вы привилегированный обладатель добродетельной феи, — заметил я, поворачиваясь к своему соседу.

Эта фраза произвела еще худший эффект, чем все предыдущие. Молодой человек стал наливаясь багровым цветом, а его кулаки стали сжиматься. Весь его внешний вид говорил о том, что он планирует нападение. Однако вскоре он взял себя в руки и подавил кипевшие в его душе эмоции, позволив себе грубо выругаться. Он пробормотал себе под нос ругательства в мой адрес, тихо и невнятно; ну а я побеспокоился о том, чтобы на них не прореагировать.

— Не везет Вам с Вашими догадками, сэр, — заметил мой арендодатель, — ни один из нас не имеет привилегии обладать Вашей доброй феей, ее супруг мертв. Я сказал, что она моя невестка, следовательно, она должна быть замужем за моим сыном.

— И этот молодой человек...

— Не мой сын, конечно.

Хитклиф снова ухмыльнулся, как если бы это было дерзкой шуткой, авторство которой принадлежало ему. Слишком смелой шуткой, чтобы приписать ему отцовство над этим медведем.

— Меня зовут Хертон Ирншоу, — прорычал молодой человек. — И я бы советовал Вам относиться к этому уважительно!

— Я не выказывал Вам своего непочтения, — произнес я в ответ, внутренне повеселившись от того, как он сам себя представил лицом благородного происхождения.

Он задержал на мне свой взгляд дольше, чем я на нем свой. Очевидно, что у меня был выбор: вмазать ему между глаз или открыто рассмеяться ему в лицо. Я ощущал себя решительно не на месте в компании этого милого семейства. Мрачная спиритическая атмосфера воцарилась в комнате, поглотив даже ту добродушную ауру, насыщенную теплом и уютом, которая окружала меня. Я твердо решил, что впредь, находясь под этой крышей, буду более осмотрительным, чем раньше.

Трапеза была закончена, во время нее никто не проронил ни слова. Я подошел к окну, чтобы посмотреть, какая на дворе погода, и мне открылось печальное зрелище: все вокруг потемнело раньше времени; и небо, и горы — все смешалось в сплошной свирепой круговерти ураганного ветра и непроглядного снегопада.

— Я не уверен, что смогу теперь добраться домой без провожатого, — не удержался от призыва о помощи. — Дороги наверняка уже завалены снегом, а даже если бы они и оставались видимыми, вряд ли б я смог сообразить, в каком направлении мне следует двигаться.

— Хертон, заведи наших овец под навес, в сенной амбар. В кошаре они будут защищены всю ночь, и опусти за ними планку, — сказал Хитклиф.

— Что же мне делать? — продолжил я, рискуя вызвать гнев.

Мой вопрос остался без ответа. Оглядевшись по сторонам, я увидел лишь Джозефа, который нес ведро овсяной каши для собак, а миссис Хитклиф склонилась над огнем и развлекала себя сжиганием горсти спичек, которые упали с полки над камином, когда она ставила на место короб с заваркой.

Первое, что сделал Джозеф, когда освободился от своей ноши, так это обвел критическим взглядом комнату, и хрипло проскрипел:

— Я просто поражен, как Вы можете так просто стоять и ничего не делать, когда все вокруг чем-то заняты! Но Вы — как тупая скотина, и сколько Вам ни говори, Вы ничего не меняете в своем поведении. Хотя правильнее было бы послать Вас к Дьяволу, вслед за Вашей матерью!

На какое-то мгновение мне показалось, что этот образец красноречия был обращен ко мне, и уже было разозлился и подался в сторону негодяя, намереваясь выставить его прочь за двери, но ответ миссис Хитклиф остановил меня.

— Вы возмутительный старый лицемер! — заметила она. — А Вы не боитесь, что Дьявол придет и лично утащит Вас к себе, когда Вы упоминаете его имя? Я предупреждала, чтобы Вы воздерживались от того, чтобы провоцировать меня, а иначе я попрошу Дьявола в качестве личного одолжения забрать Вас к себе! Ну да ладно, посмотрите-ка сюда, Джозеф! — продолжала она, медленно снимая с полки книгу в темном переплете. — Я продемонстрирую Вам, насколько я преуспела в искусстве черной магии. Совсем скоро я буду в состоянии освободить дом от Вашего присутствия. Рыжая корова сдохла не случайно, а Ваш ревматизм с трудом можно принять за кару Божью.

— Колдунья, колдунья! — старик с трудом ловил воздух открытым ртом. — Упаси нас Бог от такого зла!

— Ну уж нет, негодяй! Колдун — это Вы! Так подите прочь, или я найшу на Вас порчу взаправду! Я вылепила все ваши фигуры из воска и глины, и первого, кто переступит через установленную мной черту, я... Нет, я не скажу, что именно я с ним сделаю, но Вы увидите! Идите, я буду следить за Вами!

Маленькая колдунья навела на свое прелестное личико пелену злобы, и Джозеф, трепеща от непритворного ужаса, поспешил уйти, молясь и восклицая: «Ведьма!», когда переступал через порог комнаты. Я решил, что ее поведение было продиктовано своеобразным черным юмором, и теперь, когда мы остались вдвоем, я постарался привлечь ее внимание к плачевной ситуации, в которой я оказался.

— Миссис Хитклиф, — сказал я серьезным тоном, — извините меня за то, что беспокою Вас. Смею предположить, что с таким лицом, как у Вас, Вы не сможете отказать мне в чистосердечной помощи. Назовите мне хотя бы несколько ориентиров, по которым я смогу отыскать дорогу домой. У меня нет других идей, как туда добраться, точно так же, как Вы не знаете, как смогли бы добраться до Лондона!

— Идите той же дорогой, которой пришли сюда, — ответила она, удобно располагаясь в кресле со свечой и раскрытой книгой в руке. — Это короткий совет, но, как говорится, это все, что я могу Вам сказать.

— В таком случае, когда Вы услышите о том, что я прекратил свое земное существование где-нибудь в болоте или под покровом снега, не шепнет ли Вам Ваша совесть, что в этом отчасти есть и Ваша вина?

— Но как я могу помочь Вам? Я не могу сопровождать Вас. Они не позволят мне дойти даже до конца садовой ограды.

— Вы! Да мне бы прощения не было, если бы я позволил себе для собственного комфорта просить Вас выйти из дома, да еще в такую ночь! — воскликнул я. — Мне просто нужно, чтобы Вы рассказали, как мне найти дорогу домой, не *показывать*, или же убедили мистера Хитклифа дать мне провожатого.

— Кого? Тут есть лишь он сам, Ирншоу, Зилла, Джозеф и я. Кого бы Вы предпочли?

— А на ферме нет мальчиков-помощников?

— Нет, я перечислила всех.

— Ну что ж, из этого следует, что я вынужден остаться здесь на ночь.

— Тогда Вы можете остановиться в нашей комнате для гостей. Но это уже не ко мне.

— Я надеюсь, это послужит для Вас уроком, чтобы больше не совершать опрометчивых прогулок по этим холмам, — сердито прокричал мистер Хитклиф, стоя в кухонном проеме. — Относительно пребывания здесь: я не держу комнат для гостей, поэтому Вам придется разделить ночлег или с Хертонем, или с Джозефом, если Вам такое подходит.

— Я могу заночевать в кресле в этой комнате, — ответил я.

— Нет, нет! Чужак есть чужак, будь он бедным или богатым. Никто не может находиться в *доме* в то время, пока он находится без моего присмотра, — заметил невоспитанный хам.

После такого оскорбления мое терпение лопнуло. Я высказал ему все свое отвращение, не стесняя себя в выражениях, спешно протиснулся мимо него во двор, и натолкнулся на идущего навстречу Ирншоу. Вокруг было так темно, что я никак не мог найти выход, и немного побродив по округе, услышал несколько обрывков фраз, долетевших до меня и передающих манеру общения обитателей дома друг с другом. Сначала молодой человек выказал желание помочь мне.

— Я проведу его через сад, — сказал он.

— Ты проведешь его в преисподнюю! — крикнул его хозяин, или кем он там ему приходился. — А кто будет присматривать за лошадьми, а?

— Человеческая жизнь стоит больше, чем лошади, на один вечер их можно оставить и без присмотра. Так что кто-то должен пойти, — проворчала миссис Хитклиф, причем более любезно, чем я мог предположить.

— Не Вам тут командовать! — парировал Хертон. Если Вы собираетесь хранить о нем память, то лучше Вам об этом помалкивать.

— В таком случае, думаю, его дух будет часто навевать Вас. Я также надеюсь, что мистер Хитклиф никогда не заполучит другого квартиросъемщика, пока Грендж не превратится в руины, — внятно произнесла она.

— Нет, вы только послушайте, она насылает на него проклятие, — еле слышно произнес Джозеф, к которому я подходил.

Я находился так близко к нему, что мог его слышать. Он доил коров при свете фонаря, который я тут же схватил, и звонко сообщив, что отошлю его назад завтра утром, бросился наутек через боковые двери.

— Хозяин, хозяин, он утащил фонарь! — закричал старик, кинувшись вслед за мной. — Эй, Великан, моя собачка! Эй, Волк, ловите его, ловите!

Он отворил небольшую дверцу, и два мохнатых чудовища кинулись на меня, пытаясь дотянуться до моего горла. Они повалили меня на землю; фонарь погас. Совместный хохот мистера Хитклифа и Хертон стал последней каплей, после которой мое бешенство и чувство унижения достигли апогея.

К моему счастью, собаки были более расположены держать меня на земле, придавив лапами, зевать и вилять хвостами, чем пожирать меня живьем. Тем не менее, они не отпускали меня, и я был вынужден не по собственной воле лежать на земле до тех пор, пока их злобные самодовольные хозяева не освободили меня. Лишь после этого я, с непокрытой головой, дрожа от возмущения, смог освободиться от злодеев, не отпускавших меня и подвергавших опасности не одну минуту. На протяжении всего этого времени я сыпал бессвязными угрозами о возмездии, до краев наполненных ядом, и которые больше напоминали проклятия короля Лира.

Страстная сила моих слов вызвала у меня обильное кровотечение из носа, при этом Хитклиф продолжал смеяться, а я продолжал браниться.

Не знаю, чем бы закончилось это происшествие, не окажись под боком одного человека, более здравомыслящего, чем я, и более доброжелательного, чем мой противник. Это была Зилла, дородная домработница, которая вышла к нам с решительным намерением выяснить причину беспорядков. Она подумала, что кто-то из них занялся рукоприкладством по отношению ко мне, и, не отваживаясь напасть на своего хозяина, обратила всю мощь своей голосовой артиллерии против более молодого негодяя.

— И что, мистер Ирншоу? — завопила она. — Я интересуюсь, что Вы сотворите в следующий раз? Мы будем убивать людей прямо на нашем пороге? Видно, я никогда не смогу привыкнуть к порядкам в этом доме. Посмотрите: этому парню плохо, он же не может дышать! Ну же, говорите, говорите, что Вам нужно. Вам нельзя оставаться в таком состоянии. Проходите, я Вас вылечу. Успокойтесь, стойте спокойно.

С этими словами она вдруг выплеснула полную кружку ледяной воды мне за шиворот и потянула за собой на кухню. Мистер Хитклиф последовал за нами, его неожиданная веселость прошла, и он стал

привычно угрюмым, как и всегда.

Я чувствовал себя чрезвычайно плохо; у меня кружилась голова, я терял сознание, так что волей-неволей вынужден был согласиться остаться на ночь под его крышей. Он сказал Зилле, чтобы та дала мне стакан бренди, и скрылся в глубине дома. Она выполнила распоряжение хозяина и продолжала утешать меня в моем жалком и печальном положении. Таким образом, я отчасти был воскрешен, после чего меня проводили до кровати.

Глава III

Когда мы поднимались по лестнице, Зилла посоветовала мне прикрывать пламя свечи рукой и не шуметь. У ее хозяина было странное отношение к комнате, в которую она меня собиралась отвести; он никогда и никому не разрешал останавливаться в ней по своей доброй воле. Я поинтересовался причиной. Она ее не знала; лишь сказала, что живет в этом доме года полтора, но тут творится столько странного, что она даже не пытается проявлять любопытство.

Слишком уставший, чтобы ясно мыслить и о чем-то расспрашивать, я запер за собой дверь и огляделся в поисках кровати. Вся обстановка комнаты состояла из кресла, большого шкафа с полками для хранения одежды, и огромного дубового ящика с квадратными отверстиями в

верхней его части наподобие окон кареты. Приблизившись к этой конструкции, я заглянул внутрь и понял, что это была особая разновидность старинной лежанки, которая легко решала проблему необходимости иметь отдельную комнату для каждого члена семьи. Фактически, это был готовый маленький кабинет с окном и подоконником, который служил еще и в качестве стола. Я проскользнул за обшитую панелями стену, прихватив с собой свечу, и снова соединил панели вместе. Я почувствовал себя в безопасности, будучи полностью защищенным от прозорливой бдительности Хитклифа или кого бы то ни было еще.

На подоконнике, на который я поставил свечу, лежало несколько книг, тронутых плесенью. Они были сложены стопкой в одном из углов; кроме того, с каждой стороны подоконника были сделаны надписи, процарапанные прямо по краске. Эти надписи, однако, не содержали ничего, кроме повторяющихся в разных вариациях слов, составляющих имя: в одном месте Кэтрин Ирншоу, в другом Кэтрин Хитклиф, в третьем Кэтрин Линтон.

Совершенно обессиленный, я прислонился головой к окну, продолжая произносить вслух *Кэтрин Ирншоу — Хитклиф — Линтон*, пока мои глаза не сомкнулись. Однако не прошло и пяти минут, как из темноты начали проступать буквы, мерцающие бледным сиянием, причем настолько четко, насколько четкими могут быть фантомы; и вскоре все пространство вокруг было наполнено одними *Кэтрин*. Очнувшись, я развеял назойливо проступающее имя, и обнаружил, что фитиль моей свечи касается одного из старых томов, а помещение наполнено запахом жженой телячьей кожи. Чувствовал я себя ужасно, от воздействия холода и постоянной тошноты я совсем ослаб. Я сел, очистил книгу от нагара, и раскрыл пострадавший том на своих коленях. Это был Завет в очень простом переплете, от которого исходил ужасный запах плесени. На листе было процарапано до полупрозрачности: *книга Кэтрин Ирншоу*, и дата — около полувека назад. Я закрыл эту книгу и стал брать другие, пока не исследовал их все. Библиотека Кэтрин была подобрана тщательно, а состояние, в котором она находилась, свидетельствовало о том, что книгами активно пользовались, правда, не всегда по прямому назначению. Когда заканчивалась одна глава и начиналась другая, между ними имелось незаполненное наборщиком пространство, которое было покрыто комментариями, сделанными чернильной ручкой. Некоторые из них представляли собой законченные суждения, другие являлись отдельными частями регулярных записей. Написаны они были бесформенными каракулями, словно сделанные неопытной детской рукой. В верхней части дополнительной, не заполненной печатным текстом страницы (вероятно, наиболее ценной, когда ее обнаружили впервые), я, к своему огромному удовольствию,

увидел замечательную карикатуру на моего друга Джозефа: грубоватый, но вместе с тем впечатляющий эскиз. Во мне вспыхнул живой интерес к неизвестной мне Кэтрин, и я незамедлительно стал разбираться в ее поблекших каракулях.

«Ужасное воскресенье, — так начиналась запись, сделанная в конце печатного абзаца. — Я хочу, чтобы мой отец снова был с нами. Хиндли является его отвратительной заменой. С Хитклифом он ведет себя просто ужасно. Хитклиф и я, мы собираемся выступить с протестом, и планируем предпринять первый шаг в этом направлении уже сегодня вечером.

Весь день нас заливал дождь. Мы не смогли пойти в церковь, так что Джозеф вынужден был провести собрание паствы на мансарде, в то время как Хиндли и его жена нежились в уютном тепле перед камином на нижнем этаже, занимаясь хоть чем, но только не чтением Библии, могу в этом поклясться. Хитклиф, я и несчастный крестьянский юноша-пахарь, нам было велено взять наши молитвенники и подняться наверх. Мы уселись в ряд на мешках с кукурузой, время от времени издавая стоны и дрожа от холода. Мы надеялись, что Джозеф тоже вскоре продрогнет, и его проповедь будет короткой, в том числе ради его же собственной выгоды. Напрасные мечты! Служба длилась ровно три часа, так что даже мой брат, когда мы спускались вниз, сделал удивленное лицо и воскликнул: «Что, уже закончили?» Раньше воскресные вечера мы проводили за играми; нам разрешали поиграть, если мы не очень шумели. Сейчас достаточно просто засмеяться, чтобы нас отправили в угол.

— Вы забываете, что над вами есть хозяин, — произнес домашний тиран. — Я уничтожу любого, кто первым испортит мне настроение! Я настаиваю на послушании и молчании! Ага, мальчик, так это ты! Дорогая Френсис, оттягай его за волосы, когда соберешься вставать; я слышал, как он щелкнул пальцами. Френсис оттягала его за волосы с большой охотой, а потом пошла и уселась за стол на колени к своему мужу. Они так и сидели, словно дети, целовались и проводили время за пустой болтовней, от которой нам становилось стыдно. Мы создали для себя немного комфорта под аркой туалетного столика, насколько это позволяли наши возможности. Я просто связала вместе свои передники и повесила их как занавеску. Но тут пришел Джозеф (он вернулся из конюшни), сдернул мою работу, вlepил мне оплеуху и грозно прохрипел:

— Хозяина еще не успели похоронить, священный день отдыха еще не закончен, и еще звучат в ушах слова Евангелия. Вас вообще не должно быть видно. Позор вам! Здесь достаточно хороших книг, которые вам стоит прочитать. Сядьте, скверные дети! И подумайте о своих душах!

Говоря это, он вынудил нас занять такое место, чтобы до нас доходил лишь рассеянный свет от отдаленного очага, очень скудного для того,

чтобы мы могли различать текст, напечатанный в той дряни, которую он всунул нам в руки. Я не могла вынести такого занятия. Я подхватила совком свою потрепанную книгу и швырнула ее туда, где ютились собаки, давая обет ненавидеть хорошие книги. Хитклиф швырнул свою туда же. А потом здесь начался такой галдеж!

— Господин Хиндли! — кричал наш священник. — Господин, идите сюда! Мисс Кэтти оторвала заднюю обложку от «Шлема спасения», а Хитклиф в припадке гнева встал ногой на первую часть «Пути к краху». Он двигается дорогой, которая его явно погубит. Прежний хозяин хорошенько бы всыпал им по первое число, но его уже нет с нами.

Хиндли спешно покинул свой райский уголок возле камина, схватил одного из нас за шиворот, второго за рукав, и вытолкнул обоих на задворки кухни, где Джозеф уверял, что придет старый Николай и заберет нас, причем это так же верно, как и то, что сейчас мы живы. После того, как он утешил нас таким образом, мы разошлись по своим углам ожидать пришествия Николая. Я схватила эту книгу и банку чернил с полки, приоткрыла дверь в кухню, чтобы было больше света, и теперь у меня есть немного времени, минут двадцать, чтобы сделать свои записи. Однако мой компаньон слишком нетерпелив, потому полагаю, что он стащит у молочницы плащ и сбежит на вересковую пустошь, чтобы укрыться там. А после, если угрюмый старик придет забрать нас, Джозеф сможет убедиться, что его пророчество исполнилось. Милая шутка: там, под дождем, нам будет не холоднее, и мы будем защищены не менее, чем здесь».

* * *

Полагаю, что Кэтрин замечательно претворила в жизнь свой план. Для ознакомления со следующей записью я выбрал такую тему: *Она умывается слезами*.

«Меньше всего я думала о том, что Хиндли когда-нибудь заставит меня так плакать! — писала она. — Моя головная боль на протяжении всего времени, как только подниму свою голову с подушки, и до тех пор, пока не коснусь ее снова, — это бедный Хитклиф! Хиндли называет его бездельником и не разрешает садиться ему вместе с нами; ни есть с нами, ни чего-либо еще. Он также сказал, что он и я не должны играть вместе, и пригрозил выставить его за двери дома, если мы нарушим его распоряжение. Он обвинил нашего отца (как он посмел!?) в чересчур мягком обращении с ним, и поклялся, что укажет ему на его место».

* * *

Я начал сонно клевать носом над тускло освещенной страницей; мой взгляд блуждал между рукописью и печатным текстом. Я увидел украшенное красным орнаментом название: «Семьдесят раз по семь и первый раз из семьдесят первого. Благочестивый трактат, произнесенный его Преподобием Джобсом Брандерхамом в часовне на Джиммертонских прудах». И в то время, пока я был в полусне, а мой мозг пытался разгадать, чем озаботит своих подданных Джобс Брандерхам, я откинулся на кровать и провалился в сон. Увы! Вот что значит плохой чай и скверное настроение! А иначе что могло стать причиной того, что мне пришлось пережить такую ужасную ночь!? Я не могу припомнить ни одной другой такой ночи, которую я мог бы сравнить с этой, с тех самых пор, как научился переживать страдания.

Я погрузился в сон прежде, чем перестал понимать, где именно я нахожусь. Мне казалось, что было уже утро, и я возвращаюсь к себе домой в сопровождении Джозефа. Весь наш путь пролегал по глубокому покрову снега, так что пробирались мы с трудом. Мой спутник утомил меня постоянными упреками о том, что я не позаботился о посохе странника, рассказывая мне, что без него я никогда не смогу добраться до дома. При этом хвастливо размахивал дубиной с тяжелым набалдашником, которая, как я понял, и была посохом. На мгновение я осознал весь абсурд того, что мне необходимо владеть таким средством защиты, чтобы быть уверенным в том, что смогу попасть в свой собственный дом. Затем меня пронзила следующая мысль: я иду не домой, а мы совершаем путешествие для того, чтобы ознакомиться с выдающейся проповедью Джобса Брандерхама, судя из текста, «Семьдесят раз по семь». Кроме того, ни проповедник Джозеф, ни я, не были приверженцами «Первого из семьдесят первого», а потому были публично разоблачены и отлучены от церкви.

Мы подошли к часовне. Я на самом деле проходил мимо нее пару раз во время моих пеших прогулок. Она расположена в ложбине между двумя холмами на приподнятом плато рядом с болотом, чья торфяная сырость является ответом на все вопросы по поводу бальзамирования того небольшого количества усопших, которые покоятся там.

Крыша часовни сохранилась невредимой и донныне, но так как жалование церковнослужителя составляет лишь двадцать фунтов стерлингов в год, а здание с двумя комнатами может в один момент превратиться в здание с одной, то ни один из церковнослужителей не берется за выполнение тут пастырских обязанностей. Кроме того, как здесь поговаривают, его паства скорее оставит его голодным, чем улучшит условия его проживания хоть на один пенни из своего собственного кармана. Как бы там ни было, а в моем сне Джобс проповедовал в часовне, полностью заполненной внимающими его словам прихожанами.

Милостивый Бог! Что это была за проповедь! Она была разделена на четыреста девяносто частей, каждая из которых была равноценна обычному выступлению с кафедры, и в каждой обсуждался отдельный грех! Где он их разыскал, я сказать не могу. У него была своя, особая манера интерпретировать фразы, и складывалось впечатление, что каждый христианин неизбежно должен совершить какой-либо необычный проступок в каждом отдельном случае. Они были самого разного свойства, странные проступки, которые я раньше и представить себе не мог.

О, как я тогда устал! Как я мучился, и зевал, и воскресался вновь! Как я щипал и терзал самого себя! Как я тер свои глаза, и вставал, и вновь садился, и слегка толкал локтем Джозефа, чтобы тот дал мне знать, когда проповедник наконец устанет и замолкнет. Я был обречен выслушивать все. В конце концов, он добрался до «Первого из семьдесят первого». В этот переломный момент внезапное вдохновение снизошло на меня, и я воодушевился на то, чтобы встать и разоблачить Джобса Брандерхама как грешника из грешников, которого ни один христианин не должен простить.

— Сер! — крикнул я. — Сидя здесь, в этом едином пространстве, заключенном в этих четырех стенах, я выдержал и простил Вам четыреста девяносто глав Вашей речи. Семьдесят раз по семь я хватал свою шляпу и собирался уже уходить. Семьдесят раз по семь Вы вынуждали меня возвращаться на свое место. Но четыреста девяносто первый раз — это уже слишком. Собратья-мученики, хватайте его! Тащите его вниз, разбирайте его на атомы, чтобы там, где он известен, узнали, что его больше нет!

— А ты искусный мастер! — вскричал Джобс после значительной паузы, откидываясь на свои подушки. — Семьдесят раз по семь ты искажал свое лицо зевотой, семьдесят раз по семь я обращался к своей совести, говоря: «Это человеческая слабость, ее можно простить». И вот настал первый из семьдесят первого. Братья, вершите над ним заслуженную кару! Такой чести достойны все Его праведники!

Стоило прозвучать заключительным словам, как все собрание подняло свои посохи странников, окружило меня своими телами, и я, не имея оружия для самозащиты, сошелся в схватке с Джозефом, ближайшим ко мне и самым жестоким противником. Огромная толпа народа сошлась в одном месте; некоторые из них скрестили свои посохи; удары, предназначенные мне, посыпались на головы других. Вскоре вся часовня огласилась стуком посохов, как тех, кто напал, так и тех, кто защищался. Каждая человеческая рука поднялась против своего соседа. А Брандерхам, не желая бездействовать, выказывал свое усердие через поток громких постукиваний об край кафедры, которые отдавались так гулко, что я, наконец, к своему несказанному облегчению, пробудился. Что же это было, что навяло такое ужасное душевное смятение? Чем обусловлено участие

Джобса в приснившейся мне неразберихе? Это была лишь ветка ели, которая раскачивалась за моим окном, и при резких порывах завывающего ветра грохотала по стеклу сухими шишками. Я нерешительно прислушивался еще некоторое время, после того как обнаружил возмутителя спокойствия, а потом повернулся и задремал, снова погрузившись в грезы, еще более неприятные, чем прежде, если такое вообще возможно.

На этот раз я помнил, что лежу в дубовой клетушке, отчетливо слышу порывы ветра и стук от сильного снегопада. Я также слышал, как еловые ветки многократно повторяли создаваемые ими звуки, но теперь я уже знал настоящую причину их появления. Однако это раздражало меня так сильно, что я решил прекратить этот шум, если это будет возможно. Думаю, я даже слегка покраснелся, пытаюсь отодвинуть засов на оконных створках.

Засов был запаян между скобами: я видел это, когда проснулся, но забыл. Несмотря ни на что, я должен был остановить это! Я бормотал это, стуча костяшками пальцев по стеклу, и просовывая руку наружу сквозь выбитое отверстие в стекле, чтобы схватить надокучливую ветку. Но вместо нее мои пальцы сжали маленькие пальчики холодной, словно лед, руки. Невероятный ужас от такого кошмара овладел мной. Я попытался втянуть назад свою руку, но пальцы вцепились в мою ладонь, а полный тоски голос рыдал:

— Впустите меня! Впустите меня!

— Кто Вы? — осведомился я, тем временем отбиваясь, пытаюсь освободиться.

— Кэтрин Линтон, — ответил дрожащий голос.

Почему я подумал именно о Линтон? Я читал *Ирншоу* раз двадцать на каждое *Линтон*.

— Я вернулась домой, я сбилась с пути на вересковой пустоши.

Пока она говорила, я смутно разглядел детское лицо, смотревшее на меня сквозь стекло. Ужас сделал меня жестоким, и обнаружив, что моя попытка стряхнуть с себя руку живого существа потерпела фиаско, я потянул ее за запястье сквозь разбитое оконное стекло и стал тереть его вперед и назад до тех пор, пока не потекла кровь и не залила постельное белье. Тем не менее, она продолжала причитать: «Впустите меня!», и продолжала цепко держаться за меня, едва не сводя меня с ума от страха.

— Как же я это сделаю? — спросил я, держась на расстоянии. — Отпустите *меня*, если Вы хотите, чтобы я впустил Вас!

Пальцы ослабли, я вырвал свою руку и втянул ее назад через отверстие в разбитом стекле, и наспех завалил его книжной стопкой, сложенной в виде пирамиды. Так я отгородился от нее, и закрыл свои уши,

чтобы не слышать жалостливой мольбы. Мне казалось, что я держал их закрытыми более четверти часа. Однако в какой-то момент я услышал ее снова. К словам добавился печальный плач со стонами.

— Прочь! — закричал я. — Я никогда не впущу Вас, даже если Вы станете умолять меня хоть двадцать лет!

— Двадцать лет! — горевал голос. — Я была бездомной двадцать лет.

В это время снаружи послышалось слабое царапанье, и куча книг сдвинулась так, будто ее кто-то толкал снаружи. Я попробовал приподняться, но не мог пошевелить даже пальцем, и пронзительно, неистово закричал, обезумев от ужаса. К моему стыду, я обнаружил, что мой крик был не воображаемым, а реальным. Торопливые шаги приближались к дверям моей коморки, кто-то сильной рукой нажимал на них, чтобы открыть, а свет тускло светил через квадратные отверстия вверху кровати. Я сел, и стал вытирать пот со своего лба. Появившийся самозванец заколебался и невнятно обратился ко мне:

— В конце концов, — сказал он вполголоса, искренне надеясь, что ответа не последует, — здесь есть кто-нибудь?

Я подумал, что будет лучше, если я сознаюсь в своем присутствии, поскольку мне была известна характерная особенность Хитклифа, и опасался, что он может начать все обыскивать, если я буду хранить молчание. С таким намерением я повернулся и раздвинул панели. Я не скоро забуду тот эффект, который произвело мое действие.

Хитклиф стоял у входа в штанах и рубашке, со свечой, которая капала ему на пальцы, и лицом, белым, словно стена позади него. Первые же звуки скрипнувшей дубовой двери поразили его словно удар тока. Огонь в его руке сильно затрепетал, свеча выпала из его руки, и упала на расстоянии нескольких шагов от него. Его волнение было настолько сильным, что он едва мог его сдерживать.

— Это всего лишь Ваш жилец, сер, — отозвался я, желая в дальнейшем освободить его от унижения, вызванного таким проявлением малодушия. — Я имел несчастье кричать во сне. Должно быть, мне приснился страшный сон. Прошу прощения, что потревожил Вас.

— Черт Вас попутал, мистер Локвуд! Да идите Вы... — начал мой хозяин пристанища, устанавливая свечу на стуле, ибо понимал, что не сможет держать ее ровно. — А кто привел Вас в эту комнату? — продолжил он, впившись ногтями в ладонь, и скрежеща зубами, сдерживая челюстные конвульсии. — Кто это был? У меня есть прекрасная мысль: вышвырнуть его вон из дома, немедленно!

— Это была Ваша служанка Зилла, — ответил я, вскакивая с кровати, и быстро приводя в порядок свою одежду. — Я не стану переживать, если Вы так и поступите, мистер Хитклиф. Она вполне заслуживает этого.

Полагаю, она хотела лишний раз удостовериться (на этот раз за счет меня) в том, что это место заселено призраками. Ну что ж, так оно и есть: здесь все кишит привидениями и домовыми. У вас есть все основания держать эту комнату запертой, уверяю Вас! Никто не скажет Вам спасибо, оставшись на ночлег в этом логове.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался Хитклиф. — И что это Вы делаете? Ложитесь как лежали до окончания ночлега, раз уж Вы тут. Но ради Бога! Не кричите снова так жутко. Ничто не может оправдать такого крика, разве что Вам будут перерезать горло!

— Если бы маленькая дьяволица пролезла в окно, она бы, вероятно, задушила меня! — сказал я в ответ. — Я не намерен и далее терпеть преследования Ваших гостеприимных предков. Не является ли преподобный Джобс Брандерхам Вашим родственником со стороны матери? А эта дерзкая девчонка, Кэтрин Линтон, или Ирншоу, или как там ее звали, она, должно быть, подкидыш с испорченной маленькой душой, оставленный эльфами взамен кого-то, украденного ими. Она рассказала мне, что скиталась по земле в течение двадцати лет, просто какое-то наказание за ее смертный грех. Я в этом не сомневаюсь!

Едва я произнес эти слова, как в моей голове всплыла связь между *Хитклиф* и именем *Кэтрин* в книге, которая уже было полностью ускользнула из моей памяти до того момента, пока снова не возникла таким странным образом. Я раскраснелся от такой невнимательности, но не подал виду, что понял, что провинился. Я поспешил добавить:

— На самом деле, сэр, я провел первую половину ночи... — в этом месте я опять замолчал. Я был близок к тому, чтобы сказать «внимательно изучая старые книги», но тогда бы это выдало, что мне известно все их содержимое, и того, что написано от руки, и того, что напечатано. Тогда, исправляя самого себя, я продолжил словами «вчитываясь в имена, нацарапанные на оконной раме. Монотонное занятие, преднамеренно введшее меня в сонное состояние, наподобие счета или...»

— Как Вы *можете* рассказывать мне о своем занятии? — прогремел Хитклиф с дикой горячностью. — Как, как *смеете* Вы, в моем доме!? Господи, да он просто сумасшедший, раз говорит мне такое! — и он в ярости ударил себя по лбу.

Я не знал, стоило ли мне обижаться на такую манеру речи, или продолжать свои пояснения, но мне показалось, что он был настолько глубоко потрясен, что я почувствовал к нему сострадание, и продолжил делиться своими сновидениями. Я утверждал, что никогда раньше не слышал имени Кэтрин Линтон, но, прочитав его несколько раз, оно произвело на меня такое впечатление, что воплотилось в виде образа, когда я уже не мог контролировать свое воображение. Хитклиф, по мере того, как

я говорил, постепенно отступал назад, за кровать, так что, в конце концов, практически скрылся за ней. Однако, судя по его неровному и прерывистому дыханию, я мог предположить, что он изо всех сил старается подавить бьющее через край сильнейшее волнение.

Не желая показывать ему, что я догадываюсь о его внутренних терзаниях, я продолжал шумно приводить себя в порядок, посматривать на свои часы, и разговаривать с самим собой о том, как долго тянется ночь: «Еще нет и трех часов! Я мог бы поклясться, что уже шесть! Время здесь словно стоит на месте, а ведь мы, безо всякого сомнения, разошлись отдыхать в восемь!»

— Вообще-то зимой мы ложимся в девять, а поднимаемся в четыре, — сказал мой хозяин, подавляя тяжелый вздох, и, как мне показалось, сопровождая свой ответ в полумраке характерным жестом руки, смахивающим с глаз слезу. — Мистер Локвуд, — добавил он, — Вы можете пройти в мою комнату. Спустившись по лестнице сейчас, Вы будете единственным, кто начал новый день настолько рано, а Ваш неподобающий крик отправил мой сон ко всем чертям.

— И мой сон тоже, — ответил я. — Я прогуляюсь по двору, пока не настанет рассвет, а потом уйду; Вам не следует бояться моего очередного вторжения. Я теперь совершенно излечился от поиска удовольствий в обществе, будь то деревня или город. Здравомыслящий человек должен находить себе партнера в самом себе.

— Замечательная компания! — пробормотал Хитклиф. — Берите свечу и ступайте куда Вам заблагорассудится. Я присоединюсь к Вам в ближайшее время. В сад не выходите: собаки спущены с цепи; дом находится под охраной Джуны, так что Вы сможете побродить лишь по лестницам и коридорам. Ну, идите уже. Я буду через пару минут.

Я повиновался, но лишь отчасти: я вышел из комнаты и остановился, не зная, куда меня выведет узкий коридор, и стал невольным свидетелем проявления определенного суеверия моего хозяина, в здравомыслии которого, я, как ни странно, не сомневался. Он пробрался к кровати и резко распахнул оконную раму, которая затрещала под его напором. Его просто разрывало от неконтролируемого душевного волнения.

— Приди! Приди! — рыдал он. — Кэтти, приди. Ну пожалуйста, хотя б разочек! Моя милая, моя дорогая! Услышь меня, наконец, Кэтрин, хоть сейчас! — Призрак продемонстрировал обыкновенное для всех привидений непостоянство: не подал никакого знака, только снег и ветер закружились вихрем, пронеслись через всю комнату, долетели до места, где я стоял, и загасили мою свечу.

Было столько боли в потоке горя, которое сопровождало это неистовство, что мое сострадание заставило меня оставить без

вмешательства это безумие. Я удалился прочь, отчасти раздосадованный тем, что мне пришлось услышать все это, а отчасти мучаясь оттого, что я имел отношение к этому нелепому ночному кошмару, вызвавшем эти страдания, хотя *почему* — этого я не понимал. Я осторожно спустился на нижний этаж дома и остановился на задворках кухни, где в камине мерцали угли. Я сгреб их вместе и зажег от них свою свечу. Ничто не ворошилось, не волновалось, за исключением серого полосатого кота, который прокрался из-за золы, и приветствовал меня своим недовольным мяуканьем.

Две скамьи, в разрезе имеющие форму круга, словно опоясывали камин; на одной из них растянулся я, на другой расположился старый кот. Мы оба пребывали в дреме до тех пор, пока некто не вторгся в наше пристанище. В данном случае это был Джозеф, который шаркающими шагами спустился вниз по приставной лестнице, ведущей через люк куда-то под крышу, полагая, что на мансарду. Он кинул злобный взгляд на небольшой огонь, так прельстивший меня и согревавший мои ребра, согнал кота с его места, и занял освободившуюся лавку. Он тут же взялся за дело, и для начала стал набивать табаком трехдюймовую курительную трубку. Мое присутствие в его святая святых было расценено им, очевидно, как величайшая дерзость, замечать которую он счел для себя постыдным делом. Он молча поднес трубку к своим губам, скрестил руки и стал выпускать клубы дыма. Я дал ему возможность в полной мере насладиться своим недовольством, и после того, как он выпустил последний завиток дыма и сделал последнюю затяжку, он встал и удалился так же торжественно, как и пришел.

Следующими послышались более упругие шаги. Я уже было раскрыл свой рот для «доброе утро», как тут же закрыл его, так и не поздоровавшись. Для Хертона Ирншоу исполнение им вполголоса утренней молитвы скорее напоминало проклятия, которые он посылал всему, чего касался; пока он разыскивал в углу совок или лопату, чтобы разгрести ими сугробы. Он краем глаза заглядывал за скамейки, раздувая свои ноздри, и меньше всего думая об обмене любезностями как со мной, так и с моим приятелем котом. Судя по его приготовлениям, я предположил, что проход был свободен. Покинув свое жесткое ложе, я своим движением дал знать, что готов следовать за ним. Он заметил это, и толкнул концом своей лопаты внутреннюю дверь, намекая при этом с помощью нечленораздельных звуков, куда я могу идти, если уж решил изменить свое месторасположение.

Двери, ведущие в дом, отворились; женщины были уже на ногах. Зилла пыталась раздуть в очаге огонь, накидав туда опилок, и орудия огромными воздуходувными мехами, а миссис Хитклиф, присев на

корточки подле очага, читала книгу при свете пламени. Одну руку она выставила между топкой очага и своими глазами, и казалось, была всецело поглощена своим занятием, отвлекаясь лишь на то, чтобы побранить прислугу, обсыпаящую ее искрами пламени, или оттолкнуть прочь собаку, которая время от времени бесцеремонно тыкалась своим носом ей в лицо. Я удивился, увидев Хитклифа здесь же. Он стоял у очага, спиной ко мне, только что завершив бурную сцену с бедной Зиллой, которая то и дело прерывала свою работу, чтобы поднести край передника к своим глазам, выдавая при этом протяжный стон.

— А Вы, Вы ни на что не годны, — разорвался он, поворачиваясь к невестке и выходя из себя в тот момент, когда я входил. Он употреблял разные эпитеты, самыми безобидными из которых были *утка* или *овца*, но в основном, представленные прочерками. — Надо же, Вы опять вернулись к своему праздному безделью! В то время как другие зарабатывают на хлеб, Вы отдыхаете и живете за счет моей милости! Отложите прочь свою гадость, и найдите для себя занятие! Вы должны мне еще и доплачивать, за то, что доставляете мне беспокойство, попадаясь мне на глаза. Вы слышите, мерзкая негодница!?

— Я отложу свою гадость прочь, потому что если я откажусь, Вы можете сделать со мной все что угодно, — ответила молодая леди, закрывая свою книгу и кидая ее в кресло. — Но я не стану делать ничего, кроме того, что сама захочу, хоть бы Вы и дальше изрыгали ругательства своим мерзким языком.

Хитклиф замахнулся, и молодая женщина отскочила на безопасное расстояние. Очевидно, ей была знакома тяжесть этой руки. Не желая наблюдать за игрой в кошки-мышки, я энергично выступил вперед, делая вид, что более всего мечтаю в уютной обстановке погреться у очага. Демонстрируя абсолютное простодушие и неведение, я положил конец разногласию. У каждого хватило такта, чтобы приостановить дальнейшие военные действия. Хитклиф засунул свои кулаки в карманы, очевидно избегая искушения пустить их в ход, а миссис Хитклиф скривила губы и отсела подальше от этого места, храня данное ею обещание, и изображая из себя изваяние в течение того недолгого промежутка времени, пока я там находился. Я отказался завтракать с ними, и при первых проблесках зари воспользовался удобным случаем, чтобы выйти на свежий воздух, пока еще чистый и неподвижный, и холодный, словно невидимый лед.

Мой хозяин окликнул меня прежде, чем я успел дойти до конца сада, и предложил сопроводить меня через болото. Это было хорошее предложение с его стороны, ибо вся обратная сторона холма представляла

собой один вздымающийся белый океан. Выпуклости и впадины, имеющиеся на нем, не соответствовали выпуклостям и впадинам на почве, а целые ряды возвышенностей, которые были нагромождением отходов из каменоломен, и вовсе были стерты с карты местности, которая запечатлелась в моей памяти со времени моей вчерашней прогулки. Я тогда заметил с одной стороны дороги ряд вертикальных каменных столбиков, расположенных на расстоянии шести-семи ярдов друг от друга, которые тянулись на протяжении всей дороги. Их установили и покрасили известью, чтобы они служили в роли указателей в темное время суток, а также когда могли образовываться сугробы, наподобие теперешних, и сбивать с толку относительно глубины болота по обе стороны от проложенного пути. Однако, за исключением грязноватых точек в снегу над ними, виднеющихся то тут, то там, теперь все следы их существования были стерты. И мой спутник не раз считал необходимым предупредить меня, направляя меня то направо, то налево, в то время как я думал, что четко следую всем поворотам дороги.

Мы обменялись парой реплик, и он остановился у входа в парк Трашкросс. Он сказал, что здесь я уже точно не собьюсь с пути. Наше прощание ограничилось торопливыми поклонами, и я двинулся дальше, полагаясь полностью на себя. У ворот находилась сторожка, однако в ней никто не было. Расстояние от ворот до амбара составляет мили две. Однако я думаю, что преодолел все четыре, потому что умудрялся то заплутать среди деревьев, то провалиться в снег аж по шею. Понять меня в состоянии лишь тот, у кого есть подобный опыт. Как бы кто ни оценивал мои блуждания, но когда я уже входил в дом, часы пробили двенадцать. Это значит, что на каждую милю пути из Грозового Перевала у меня ушел ровно час.

Моя домашняя прислуга и их помощники, все кинулись встречать меня, крича и шумя; их внимание всецело было приковано ко мне. Каждый из них полагал, что я погиб минувшим вечером, и были озабочены тем, каким образом они должны будут организовать поиски моих останков. Я заявил им, что теперь, когда они убедились в том, что я уже вернулся, они могут быть спокойны. Я закоченел так, что казалось, заледенела даже моя душа, поэтому первым делом я поднялся по лестнице вверх, переоблачился в сухую одежду, а уже позже расхаживал по комнате туда-сюда минут тридцать-сорок, чтобы восстановить природное тепло. Я прошел в свой кабинет, и был слаб, как котенок, чтобы быть еще в состоянии насладиться пылающим огнем и ароматом дымящегося кофе, который служанка приготовила мне для восстановления сил.

Глава IV

Как непостоянен и полон сомнений человек! Вот я, который решил держаться подальше от всех контактов с обществом. Я благодарил судьбу за то, что неожиданно для себя нашел место, где такое общение было более чем невозможным. И что же? Несчастный, слабовольный человек, я боролся с темными духами и одиночеством ровно до наступления сумерек, после чего был вынужден сложить свои знамена. Под притворством получения информации относительно нужд своего хозяйства, я обратился к миссис Дин, чтобы она посидела со мной, пока я не съем ужин, принесенный для меня. Я очень надеялся, что она окажется той еще сплетницей, и тогда она либо пробудит во мне душевный подъем, либо усыпит меня своей болтовней.

— Вы прожили здесь довольно долго, — начал я. — Кажется, Вы говорили, что шестнадцать лет?

— Восемнадцать, сер. Я пришла сюда, чтобы прислуживать молодой хозяйке, когда та вышла замуж. Когда же она умерла, хозяин предложил мне остаться в доме в качестве домоправительницы.

— В самом деле?!

Наступила пауза. Я опасался, что миссис Дин интересуют исключительно разговоры, касающиеся ее собственных дел, но которые вряд ли заинтересуют меня. Она задумалась, сложив руки на коленях, и облако раздумий сгустилось над ее румяным лицом. Через некоторое время она воскликнула:

— Ах, жизнь так переменилась с тех пор!

— Да, — заметил я. — Полагаю, Вы повидали немало перемен.

— И перемен, да и бед тоже, — ответила она.

«О, как бы я хотел обернуть этот разговор на обсуждение семьи моего хозяина, — рассуждал я сам с собой. — И тема подходящая, чтобы завести такую беседу. А эта прелестная молодая вдова? Я бы с удовольствием выслушал ее историю: была ли она из местных, или, что более вероятно, это некое экзотическое существо, какая-нибудь угрюмая туземка, которую не пожелали признавать за родственницу». Намереваясь выяснить интересующие меня вопросы, я спросил у миссис Дин, почему мистер Хитклиф сдает внаем Трашкросс Грендж и предпочитает проживать в таком месте и в таких условиях, которые намного хуже этих.

— Разве он не достаточно богат, чтобы содержать имение в хорошем состоянии? — принялся я наводить справки.

— Богат, сер?! — ответила она. — Да он как никто другой знает, что такое деньги. И с каждым годом их становится все больше. — Да-да, сер,

он достаточно богат, чтобы проживать в доме намного лучше, чем теперешний. Однако он очень не любит расставаться с деньгами, и если у него и было намерение переселиться в Трашкросс Грендж, то как только он прослышал о выгодном арендаторе, так не смог упустить шанс заполучить несколько лишних сотен. Удивительно, как люди могут быть такими алчными, когда они одни-одинешеньки на всем белом свете!

— У него был сын, кажется?

— Да, был один, но он умер.

— А эта молодая леди, миссис Хитклиф, она вдова его сына?

— Да.

— Откуда она взялась в этих краях?

— Отчего же взялась, она дочь моего умершего хозяина. Кэтрин Линтон — вот ее девичье имя. Я вынырнула ее, бедняжку! Я уже просила мистера Хитклифа, чтобы он переселил ее сюда, и тогда мы сможем опять быть вместе.

— Как! Кэтрин Линтон!?! — вскричал я, пораженный. Но минутное осознание убедило меня в том, что это была не моя призрачная Кэтрин.

— Значит, — продолжил я, — имя моего предшественника, жившего в этом доме, было Линтон?

— Да, именно так.

— А кто этот Ирншоу, Хертон Ирншоу, который живет с мистером Хитклифом? Между ними есть какая-то связь?

— Нет, он племянник покойной миссис Линтон.

— В таком случае, он двоюродный брат молодой леди?

— Да, и ее муж тоже был ее двоюродным братом, один со стороны матери, другой со стороны отца. Хитклиф женился на сестре мистера Линтона.

— Я видел надпись «Ирншоу» над входными дверями в Грозном Перевале. Это какой-то старинный род?

— Очень старинный, сер, и Хертон — последний в этом роду. Так же, как наша миссис Кэтти — в нашем, я имею в виду род Линтонов. Вы были на Грозном Перевале? Я прошу прощения за то, что расспрашиваю, но я очень хочу услышать, как она там?

— Миссис Хитклиф? Она выглядела очень хорошо, к тому же она просто прелестна. Тем не менее, думаю, что она не очень счастлива.

— Дорогой мой, я в этом и не сомневалась! А как Вам понравился хозяин?

— Правду сказать, грубый человек, миссис Дин. Разве не таков его нрав?

— Грубый, как края пилы, и твердый, как кремь! Меньше с ним связывайтесь, и будет лучше для Вас же.

— Должно быть, в его жизни случались резкие подъемы и падения, раз он превратился в такого грубияна. Вы что-нибудь знаете о его прошлом?

— Он ненормальный, сэр, мне известно об этом все. За исключением того, где он родился и кто были его родители, и как он получил свой первый капитал. А Хертон был изгнан из дому еще неоперившимся птенцом. Горемычный парень! Он единственный во всей округе, кто даже не догадывается, как жестоко был обманут!

— Послушайте, миссис Дин, это было бы так милосердно, если бы Вы рассказали мне что-нибудь о Ваших соседях. Я чувствую, что не смогу успокоиться, если прямо сейчас улягусь в постель, а так нам будет вполне достаточно посидеть и поболтать с часок.

— Ну конечно, сер! Я только пойду и возьму себе небольшую швейную работу, а затем я посижу с Вами так долго, как Вы пожелаете. Однако Вы подхватили простуду: я вижу, как Вы дрожите; Вам необходимо поесть немного овсяной каши, чтобы справиться с недугом.

Достопочтенная женщина засуетилась и вышла, а я подвинулся поближе к огню. Я чувствовал, что моя голова была горячей, а тело колотило от озноба. Кроме того, я был чрезвычайно взволнован, практически в шаге от безрассудства, а все благодаря напряженному состоянию нервов и ума. Не могу сказать, что я чувствовал себя некомфортно. Правильнее сказать, я был напуган (этот страх не прошел до сих пор) нешуточным эффектом, который произвели события, произошедшие вчера и сегодня. Миссис Дин вскоре возвратилась, принеся с собой миску дымящейся каши и корзинку с работой. Поставив кашу на плитку, она расположилась на своем сидении, явно довольная тем, что нашла меня вполне общительным человеком.

— Перед тем, как я пришла сюда жить, — начала она, не дожидаясь приглашения к продолжению разговора, — я практически все время находилась на Грозном Перевале, потому что моя мать была кормилицей у мистера Хиндли Ирншоу, отца Хертон. Я игралась с детьми, а также выполняла разные поручения: помогала заготавливать сено, развешивала его на просушку вокруг фермы, и вообще была на подхвате — выполняла любую работу, кто бы и что бы мне ни поручил. Я помню, как в одно чудесное летнее утро мистер Ирншоу, старый хозяин, спустился по лестнице, одетый по-походному. Он отдал Джозефу распоряжения относительно того, что должно быть сделано в течение дня, а потом

повернулся к Хиндли, Кэтти и ко мне (я ела овсяную кашу вместе с ними). Он сказал, обращаясь к своему сыну:

— Сейчас я отправляюсь на пару дней в Ливерпуль, мой славный воин. Что тебе привезти? Ты можешь выбрать что хочешь, только пусть это будет что-нибудь маленькое, потому что мне предстоит идти пешком туда и обратно, шестьдесят миль в каждую сторону, а это долгая дорога.

Хиндли выбрал скрипку. Тогда он спросил у мисс Кэтти (ей тогда едва исполнилось шесть, но она могла ездить верхом на любой лошади из конюшни), и та выбрала хлыст. Не забыл он и про меня; у него было доброе сердце, несмотря на то, что он был скорее строгим. Он пообещал мне привезти полные карманы яблок и груш. А затем поцеловал своих детей, и отправился в дорогу.

Время тянулось долго для нас всех, все три дня его отсутствия. А маленькая Кэтти постоянно спрашивала, когда же он будет дома. На третий день Миссис Ирншоу ожидала его возвращения к ужину и постоянно на час откладывала трапезу. Однако никаких признаков возвращения хозяина не было. Наконец дети устали бегать за ворота и высматривать его. Начинало смеркаться, детей надо было укладывать спать, но они слезно упросили мать, чтобы та разрешила им еще некоторое время не ложиться. А около одиннадцати часов дверная щеколда тихо приподнялась, и послышались шаги хозяина. Он просто упал в кресло, улыбался и стонал одновременно, и сказал детям не беспокоить его, потому что его чуть не убили, и что он бы не хотел, чтобы подобное путешествие за тридевять земель повторилось еще хоть раз.

— Но, в конце концов, я избежал гибели! — сказал он, распахивая свою шинель, которую держал в руках в виде свертка. — Смотри сюда, жена! Я ни разу в жизни не был так избит за что-либо. Но ты должна принять это как дар Божий, хотя он такой темный, как будто вышел из преисподней!

Мы столпились вокруг, и я украдкой, через голову мисс Кэтти, поглядывала на чумазого, в лохмотьях, черноволосого ребенка. Он был достаточно взрослым — умел ходить и говорить; и выглядел старше Кэтрин. Тем не менее, когда его опустили на пол, он лишь таращился кругом, и только повторял снова и снова, на разные лады, какую-то тарабарщину, которую никто не понимал. Я была напугана, а миссис Ирншоу приготовилась выставить его за двери. Она налетела на мужа, и спрашивала, как он мог такое выдумать, чтобы привести это цыганское отродье в дом, когда они должны кормить собственных детей и заботиться о них? О чем он думал, делая такое? Может он сошел с ума? Хозяин сделал попытку объясниться, но он и впрямь был полужив от измождения, поэтому все, что я смогла разобрать среди ее брани, это был его рассказ о

том, как он увидел этого голодного, бездомного, практически умирающего мальчика на улице Ливерпуля, где и подобрал его. Он пытался хоть что-нибудь разузнать о его хозяине, однако ни одна живая душа не знала, кому тот принадлежит. Время и деньги были практически исчерпаны, и тогда он решил, что будет лучше, если возьмет его домой сразу, чем позже будет иметь дополнительные издержки; потому что он принял твердое решение, что не оставит этого мальчика на улице. Ну, а закончилось это тем, что моя хозяйка еще поворчала немного, отчего сама же и успокоилась, а мистер Ирншоу приказал мне вымыть найденьша, дать ему чистые вещи, и уложить спать вместе с остальными детьми.

Хиндли и Кэтти удовлетворились тем, что подглядывали и подслушивали до тех пор, пока в доме не восстановился мир. Затем оба начали изучать отцовские карманы, ища подарки, которые тот обещал им привезти. Хиндли был мальчиком лет четырнадцати, но когда он вытащил то, что должно было быть его скрипкой, раздавленное на кусочки в шинели, он громко заревел. А Кэтти, когда выяснила, что ее отец потерял хлыст, занимаясь незнакомцем, проявила свой характер тем, что смеялась и плевалась как маленький несмышлениш. В результате своих стараний она заработала звонкую оплеуху от своего отца, которая должна была научить ее манерам. Дети категорически отказались лежать в одной кровати с найденьшем. У меня ума оказалось не больше, и я уложила его спать на лестничном пролете, уповая на то, что к завтрашнему утру тот уйдет. Случайно, или же привлекаемый звуком его голоса, мальчик подполз к дверям мистера Ирншоу, где тот его и нашел, когда выходил из своей комнаты. Все расспросы хозяина касались того, как новенький очутился под дверью. Я вынуждена была во всем сознаться, и в наказание за мои малодушие и жестокость меня выставили из дома.

Это было первое появление Хитклифа в семье. Когда я возвратилась назад через несколько дней (я не считала мое изгнание пожизненным), я нашла, что они окрестили его как Хитклифа. Это было имя хозяйского сына, который умер в младенчестве, и оно стало служить приемышу с того времени всегда, и в качестве имени, и в качестве фамилии. Мисс Кэтти и он с того время всегда были неразлучны, но Хиндли ненавидел его, и сказать по правде, я тоже. Мы издевались над ним. Я не была достаточно умна, чтобы понимать свою несправедливость, а хозяйка никогда не говорила ни слова в его защиту, когда видела, что с тем поступают несправедливо.

Он казался замкнутым, упрямым ребенком, и бесчувственным; возможно потому, что с ним плохо обращались. Он стойко выносил удары Хиндли, даже не моргнув глазом и не проливая ни слезинки, а от моих

щипков у него лишь перехватывало дыхание, и он широко открывал глаза, как если б он сам случайно ударился, и винить было некого. Такая выносливость обернулась тем, что однажды старый Ирншоу таки обнаружил, что его сын подвергает гонениям бедного сироту, как он называл его. Хозяин пришел в ярость. Он привык к Хитклифу необыкновенно, доверяя всему, что тот ему скажет (надо сказать, что рассказывал тот очень мало, и в основном правду), и одаривал своими ласками намного больше, чем Кэтти, которая была слишком непослушной и своенравной как для любимицы.

Итак, Хитклиф с самого начала породил нехорошие настроения в доме. В смерти миссис Ирншоу, которая случилась менее чем через два года после этого, молодой хозяин научился винить своего отца. В нем он скорее видел притеснителя, чем друга, а Хитклифа воспринимал как узурпатора родительской любви и своих привилегий. Хиндли взращивал в себе ожесточенность, вынашивая и множа свои обиды. Я сочувствовала Хиндли до определенного времени, но когда корь свалила детей с ног, и я должна была ухаживать за ними, приняв на себя в одночасье все женские заботы, мое отношение изменилось. Хитклиф переносил болезнь чрезвычайно тяжело, и в то время пока он лежал как самый тяжелобольной, я должна была постоянно находиться возле его изголовья. Я думаю, он чувствовал, что я делаю для него что-то хорошее, однако он не ведал и не предполагал, что я вынуждена была делать это поневоле. Как бы то ни было, а должна заметить, что он был самым тихим ребенком из всех, о которых когда-либо заботились сиделки. Разница между ним и остальными детьми вынудила меня стать как минимум равнодушной. Кэтти и ее брат изматывали меня ужасно. Он же был безропотным, словно ягненок, хотя не это, а именно его стойкость и негибаемость позволяли ему не доставлять нам больших хлопот.

Наконец он превозмог болезнь, и доктор подтвердил, что это стало возможно большей частью благодаря мне, и превозносил меня за мою заботу. Я была полна самомнения от его похвал, и сердце мое смягчилось по отношению к существу, из-за которого я их заработала. Таким образом, Хиндли лишился своего последнего союзника. Однако я все еще не могла искренне полюбить Хитклифа, и не раз удивлялась, когда видела, что мой хозяин настолько сильно любит замкнутого мальчика, который никогда, сколько себя помню, не отвечал тем же на все его благодеяния и знаки внимания. Он не был пренебрежительным к его добродетели, просто он был неотзывчивым, хотя абсолютно четко понимал, что покорило его душу. Он прекрасно знал, что стоит ему лишь сказать, и весь дом обязан будет

исполнить любое его желание. Например, я помню, как мистер Ирншоу однажды купил пару жеребят во время приходской ярмарки и подарил каждому мальчику по лошадке. Хитклиф взял самого статного коника, но тот вскоре упал хромой. Когда Хитклиф обнаружил это, он сказал Хиндли:

— Ты должен поменяться со мной лошадками, моя мне не нравится. А если ты не захочешь, то я скажу твоему отцу, как ты трижды поколотил меня на этой неделе, и покажу ему свою руку, которая черна по плечо.

Хиндли показал тому свой язык и залепил оплеуху.

— Лучше ты сделай это сразу, — упрявился Хитклиф, выбегая на крыльцо (они были в конюшне), — ты все равно должен будешь это сделать, а если я расскажу об этих ударах, то ты получишь их назад с процентами.

— Поди прочь, собака! — завопил Хиндли, угрожая железной гирей, которую использовали для взвешивания картофеля и сена.

— Кинешь это, — ответил Хитклиф, оставаясь невозмутимым, — и тогда я расскажу, как ты хвастался, что выставишь меня за двери, сразу же, как умрет хозяин, и тогда посмотрим, не выставит ли он тебя самого за двери тотчас.

Хиндли кинул гирию и попал Хитклифу в грудь. От удара тот свалился с ног, но тут же поднялся. Хитклиф побледнел и дышал с трудом, и если б я не вмешалась, он бы сразу пошел к отцу и был отпущен в полной мере, пользуясь своим положением; при этом он бы намекнул, кто это сделал.

— Ну что ж, бери моего жеребенка, цыган! — сказал молодой Ирншоу. — А я буду молиться, чтобы ты свернул себе шею. Забирай его, и будь ты проклят! Вечно ты влезаешь в чужие дела! Подлизывайся и дальше к моему отцу, пусть он тебе отдаст все, только потом покажи ему, что ты натворил, отпрыск Дьявола! И забирай лошадку, я надеюсь на то, что она своим копытом вышибет тебе мозги!

Хитклиф ушел отвязывать лошадь, чтобы отвести ее в новое стойло. Он проходил как раз позади Хиндли, когда тот закончил свою речь и подставил цыганенку подножку. Не останавливаясь посмотреть, осуществились ли его чаяния, Хиндли сбежал как можно быстрее. Я была удивлена, увидев, как равнодушно приемный ребенок поднялся и ушел по своим делам: переменял седло и все остальное, а потом присел на охапку сена, чтобы прежде чем войти в дом, справиться с приступом дурноты, вызванным ударом гири. Я без труда уговорила его позволить мне возложить вину за его ушиб на лошадь; его мало интересовало, о чем будут сплетничать и что рассказывать после того, как он получал желаемое. Он и впрямь жаловался так редко, тем более на такое недоразумение как это, что я действительно думала, что он не мстителен. Как Вы еще узнаете, я пребывала в полнейшем заблуждении.

Глава V

Через какое-то время мистер Ирншоу стал слабеть. Он был энергичным и здоровым, но внезапно силы стали покидать его. И когда его жизненное пространство сузилось до размеров угла возле камина, в нем стала расти мучительная раздражительность. Любой пустяк мог его рассердить; он стал подозревать других в неуважении к своему авторитету, и это доводило его чуть ли не до припадка. Это было особенно заметно, когда кто-то пытался к чему-то принуждать его любимца или командовать им. Он особенно беспокоился, чтобы тому и слова дурного не сказали. Складывалось впечатление, что хозяин вбил себе в голову, что оттого, что он любит Хитклифа, все того ненавидят, и только и желают причинить ему зло. Это было плохо и для самого мальчика; никто из остальных детей не хотел сердить хозяина, а потому как могли, потакали его пристрастию. Такое потворство давало богатейшую пищу развитию детской гордыни и мрачного нрава. Все же это стало вынужденной манерой поведения. Пару раз Хиндли выказывал свое презрение к Хитклифу в присутствии отца, и это пробудило в старике ярость. Старший Ирншоу схватился было за трость, чтобы ударить Хиндли, но, не имея возможности этого сделать, затрясся от ярости.

В конце концов, наш приходской священник (у нас был священник, который в то время жил тем, что обучал маленьких Линтонов и Ирншоу и самостоятельно занимался сельским хозяйством на собственном участке земли) сообщил, что молодого человека пора отправить в колледж. Мистер Ирншоу, хоть и с тяжелым сердцем, но согласился, ибо он говорил: «Хиндли как был никчемным, так никогда и ни в чем не преуспеет, куда бы он ни подался».

Я искренне надеялась, что теперь у нас воцарится мир. Мне больно было думать, что хозяин может испытывать недовольство по причине собственного хорошего поступка. Я сначала думала, что старческая раздраженность и болезнь появились в результате семейных разногласий, будто то, что он имел, было следствием его поступков. Вы знаете, сер, на самом деле, причиной было его угасающее тело. Мы могли бы существовать вполне сносно, несмотря ни на что, если бы не два человека: мисс Кэтти и Джозеф, слуга; думаю, Вы его уже видели. Он был, есть, и вероятнее всего, будет самым нудным и лицемерным фарисеем из всех, что когда-либо рылись в Библии, выискивая благие пророчества для себя и проклятия на головы своих соседей. Все свои демонические уловки и ханжеские рассуждения он затевал лишь для того, чтобы оказывать влияние на мистера Ирншоу. И чем немощнее становился хозяин, тем больше влияния тот приобретал. Он неустанно выказывал беспокойство, проявляя заботу о душе хозяина и хлопоча о содержании детей в строгости. Он настраивал старика относиться к Хиндли как к беспутному юноше, и регулярно, вечер за вечером, изливал свои жалобы на Хитклифа и Кэтрин в долгой веренице рассказней о них, постоянно обращая внимание на то, чтобы льстить недостаткам приемыша, а девчущку обвинять в тяжелых проступках.

Конечно, Кэтрин прибегала к таким уловкам в своем поведении, каких я до этого никогда не встречала у детей. Она выводила нас всех из терпения по пятьдесят раз на дню, а то и чаще. С момента, как она сходила утром по лестнице, и до момента, пока она не уходила, чтобы лечь в постель, мы ни на минуту не были застрахованы от того, чтобы она не вытворила какую-нибудь шалость. Ее настроение всегда было переменчиво, а ее язык всегда был при деле: она пела, веселилась, и досаждала каждому, кто не делал то же самое. Она была необузданной, озорной плутовкой, при этом у нее были миловидные глаза, милая улыбка и самые зажигательные ножки в приходе. При этом должна Вам сказать, что я уверена: у нее и в мыслях не было причинять кому-нибудь неприятности. Когда, бывает, она доведет Вас до слез в своем чрезмерном усердии (что случалось довольно редко), то она не отстанет от Вас, пока не заставит Вас успокоиться, чем Вы и ее успокоите. Она также очень любила

Хитклифа. Самой большой карой, которую только можно было выдумать для нее, было разлучить ее с ним. Тем не менее, среди всех нас ее упрекали за него больше всего. В играх ей чрезвычайно нравилось вести себя как маленькая госпожа: она давала волю рукам и командовала своими спутниками. Она поступала так и со мной, но я никогда не терпела, чтобы мной помыкали и чтобы меня шлепали, о чем я всегда давала ей знать.

Мистер Ирншоу перестал понимать шутки своих детей, с ними он всегда был строг и важен. А Кэтрин, со своей стороны, не могла понять, почему ее отец в его болезненном состоянии бывал раздражительнее и нетерпеливее, чем раньше, в расцвете сил. Его брюзгливые упреки побуждали ее в ее озорном восторге провоцировать его. Она не чувствовала себя счастливее, чем тогда, когда мы все станем бранить ее, а она кидает всем нам вызов своим дерзким, смелым взглядом и заготовленными фразами, и превращает религиозные проклятия Джозефа в насмешку. Она искушала и меня, и делала в точности то, что ее отец ненавидел больше всего: показывала, как ее показная дерзость, которую он принимал за настоящую, имела больше власти над Хитклифом, чем его доброта. Она демонстрировала, что мальчик следует любым *ее* призывам, а *его* просьбам — только тогда, когда это отвечало собственным намерениям Хитклифа. Иногда, когда она вела себя так отвратительно плохо целый день, она приходила к отцу, чтобы приласкаться к нему перед сном.

— Нет, Кэтти, — говорил старик, — я не могу любить тебя, ты хуже, чем твой брат. Ступай, помолись, дитя, и попроси у Бога прощения. Мне кажется, твоя мать и я должны покаяться, что когда-то вырастили тебя.

Поначалу это вызывало у нее слезы, но потом беспрестанное отвержение ее существа закалило ее, и она лишь хохотала, если я говорила, что она должна повиниться за свои проступки и вымаливать прощения.

Но, в конце концов настало время, когда подошли к концу земные хлопоты мистера Ирншоу. Он ушел спокойно, в своем кресле, в один из октябрьских вечеров, сидя подле камина. Сильный ветер бушевал вокруг дома, завывал в дымоходной трубе, он звучал дико и неистово; но было не холодно. Мы находились все вместе: я, на небольшом отдалении от камина, занятая своим вязанием; Джозеф, читающий за столом свою Библию (тогда слуги, устав после своей работы, в основном тоже сидели в доме); мисс Кэтти была нездорова, она сидела неподвижно, прислонившись к коленям своего отца; а Хитклиф лежал на полу, положив свою голову ей на колени. Я помню как хозяин, перед тем как он впал в дремоту, поглаживая ее красивые волосы (ему довольно редко доводилось видеть ее кроткой), произнес:

— Почему ты не можешь быть такой хорошей девочкой постоянно, Кэтти?

А она подняла к нему свое лицо, засмеялась, и возразила:

— А почему ты не можешь быть хорошим человеком постоянно, отец?

Но увидев снова его недовольство, она поцеловала его руку и сказала, что споет ему колыбельную. Она начала петь ему очень тихо, пока его пальцы не выпали из ее руки, и его голова не опустилась на грудь. Тогда я сказала ей замолчать и не шевелиться, опасаясь, что она его разбудит. Мы все сидели тихо как мыши на протяжении получаса, и намеревались сидеть так столько, сколько потребуется, только лишь Джозеф, закончив читать главу, поднялся и сказал, что он должен разбудить хозяина для молитвы перед сном. Он сделал шаг вперед, окликнул его по имени и коснулся его плеча. Однако тот не пошевелился; тогда Джозеф взял свечу и посмотрел на него. Увидев при свете, как он сидел, я подумала, что тут что-то не так, и схватив за руку каждого ребенка, прошептала, что они могут подняться наверх, шумя как можно меньше, и что этим вечером они могут помолиться самостоятельно: у хозяина сегодня встреча на высшем уровне.

— Сперва я пожелаю папе спокойной ночи, — сказала Кэтрин и, прежде чем мы смогли ей помешать, обвила своими ручками его шею. Несчастное создание тотчас обнаружило свою утрату. Она пронзительно закричала:

— О, он умер, Хитклиф, он умер! — и они оба разразились дешераздирающим плачем.

Я присоединила к их воплям свои, громкие и горькие, но Джозеф поинтересовался, не хотим ли мы подумать над тем, что таким образом оплакиваем святого на небесах. Он сказал мне накинуть свой плащ и бежать в Джиммертон за доктором и приходским священником. Я не могла придумать, какая польза может быть от каждого из них, однако я пошла, сквозь ветер и дождь, и привела одного из них, доктора, который вернулся вместе со мной. Священник сказал, что придет утром. Разрешив Джозефу ввести доктора в курс дела, я побежала в детскую комнату; дверь в ее была приоткрыта. Я увидела, что дети еще не легли, несмотря на то, что была уже полночь, но они были спокойны и совсем не нуждались в том, чтобы я их утешала. Маленькие души утешили друг друга намного лучшими словами, чем это могла бы сделать я. Ни один священник в мире не смог бы изобразить небеса настолько прекрасными, как это сделали они в своем простодушном разговоре. И пока я рыдала и слушала, я не смогла удержаться, чтобы не пожелать всем нам оставаться здесь вместе в целостности и сохранности.

Глава VI

На похороны домой приехал мистер Хиндли, и привез с собой жену — обстоятельство, которое ошеломило всех нас, а соседей заставило перешептываться направо и налево. Кто была его жена, где родилась — он никогда не рассказывал нам об этом. Возможно, она не имела ни денег, ни имени, чтобы он мог отрекомендовать ее, а иначе вряд ли бы он утаил свой брак от отца.

Она не принадлежала к числу тех, кто своим появлением нарушает в доме весь порядок. Все, что попадалось ей на глаза, каждое событие, происходившее вокруг, все вызывало в ней отклик и приводило в восторг, за исключением подготовки к похоронам и непосредственного общения с теми, кто пришел проститься с покойным. Судя по тому, как она себя вела на церемонии прощания, я уж было подумала, что она полоумная. Она убежала в свою комнату и заставила меня пойти с ней, хотя я должна была одевать детей. В комнате ее всю стало трясти; она обхватила себя руками, и время от времени спрашивала: «Они уже ушли?» Потом она стала рассказывать с истерическими нотками в голосе, какой эффект произвел на нее черный цвет, когда она увидела его. При этом она вздрагивала, ее всю трусило, и наконец, она упала, сотрясаясь от рыданий. Когда я спросила, что произошло, она ответила, что не знает, но чувствует, что так боится смерти! Я же не представляла ее умирающей, равно как и себя. Она была довольно худощавой, но молодой и свежей, а ее глаза горели и сияли как бриллианты. Правда, я обратила внимание, что когда она поднималась по лестнице, дыхание ее учащалось, а от внезапного, даже малейшего звука, ее кидало в дрожь, а еще ее иногда мучил кашель. Но я ничего не знала о том, что предвещают эти симптомы, и ничто меня не склоняло симпатизировать ей. Мы здесь вообще не расположены к чужакам, мистер Локвуд, до тех пор, пока они первыми не проявят свое расположение к нам.

Молодой Ирншоу значительно переменялся за три года своего отсутствия. Он похудел, побледнел, стал разговаривать и одеваться совсем иначе, чем раньше. В тот самый день, когда он вернулся, он сказал Джозефу и мне, что отныне мы должны будем перебраться на кухню, в заднюю часть дома, а *дом* освободить для него. Ну и ну! Он планировал застелить коврами и оклеить обоями запасную комнату, чтобы использовать ее в качестве гостиной. Но его жена была в таком восторге от белого пола и огромного жаркого камина, от оловянной посуды и посудного шкафа, от собачьей лежанки и свободного пространства, которым можно было запросто перемещаться вокруг того места, где они обычно сидели, что он решил: такие перемены будут лишними, и отказался от своего замысла.

Она также была очень рада, что в кругу своих новых знакомых обрела сестру. Едва познакомившись, она непрестанно болтала с Кэтрин, носилась с ней, целовала, и одаривала несметными подарками. Однако ее привязанность очень скоро угасла. А когда в ней появилась раздражительность, то и Хиндли превратился в тирана. Лишь нескольких слов, слетевших с ее уст, которые выказывали ее неприязнь к Хитклифу, оказалось достаточно, чтобы пробудить в нем всю его бывшую ненависть к мальчику. Он отлучил его от своего общества и определил в компанию слуг, лишил наставлений викария, и настоял на том, чтобы тот работал за пределами дома, заставляя того трудиться так же тяжело, как и остальных парней на ферме.

Поначалу Хитклиф воспринимал ухудшение своего положения вполне сносно, ибо Кэтти учила его тому, чему училась сама, она работала и играла вместе с ним в поле. Таким образом, оба они росли невоспитанными дикарями. Молодой хозяин совершенно не интересовался, как ведут себя дети, чем занимаются, главное — чтобы держались от него подальше. Он не виделся с ними даже по воскресеньям, когда они должны были посещать церковь. Лишь только Джозеф и приходской священник выговаривали ему за его легкомысленность, если дети пропускали церковную службу, да напоминали ему о предписании выпороть Хитклифа, а Кэтрин лишить обеда или ужина. Но у Хитклифа и Кэтрин было одно главное развлечение — с утра убежать на вересковую пустошь и провести там целый день, а после наказания вновь встретиться и просто смеяться. Приходской священник мог обязать Кэтрин выучить на память столько глав, сколько тому заблагорассудится, а Джозеф — пороть Хитклифа, пока не заболит его собственная рука, но они не обращали на это внимания ровно до того момента, когда они снова сходились вместе; или по крайней мере, с той минуты, пока они не придумывали какой-нибудь дерзкий план мести. Сколько я выплакала слез наедине сама с собой, наблюдая за тем, как день ото дня они становятся все отчаяннее, а у меня не хватало смелости замолвить за них слово из-за страха утратить даже те крохи влияния, которые я еще имела над созданиями, не имеющими друзей. Так уж случилось, что одним воскресным вечером их выгнали из гостиной за шумное поведение, а может какое другое ослушание подобного рода. И когда я вышла, чтобы позвать их на ужин, то нигде их не обнаружила. Мы обыскали весь дом, наверху и внизу, во дворе и в хлеву, но мы их так и не нашли. В конце концов, Хиндли разозлился, приказал нам запереть двери на засов, и строжайше запретил пускать детей в дом этой ночью. Домочадцы разошлись спать. Я тоже уже очень хотела спать, но несмотря на то, что шел дождь, открыла свое окно, высунула голову и стала прислушиваться, не идет ли кто. Недовольная хозяйским запретом, я была

полна решимости пустить детей в дом, когда те вернутся. Наконец я различила звук шагов, приближающихся по дороге, и увидела свет фонаря, тускло светившего через калитку. Я набросила на голову платок и побежала навстречу предупредить детей, чтобы те случайно не разбудили мистера Ирншоу, если вздумают кидать камушками в окно. Это был Хитклиф; когда я его увидела одного, я вздрогнула.

— Где мисс Кэтрин? — с наскока закричала я. — Я надеюсь, никакого несчастья?

— В Трашкросс Грендже, — ответил он. — Я бы тоже хотел быть там сейчас, но они не оказали мне должного внимания, и велели мне погодить с этим.

— Ладно, еще настанет твой час! — сказала я. — Ты же никогда не успокоишься, пока не добьешься своего. Что такое произошло в мире, что ты забрел аж в Трашкросс Грендж?

— Позвольте мне снять мою мокрую одежду, и я расскажу Вам об этом все, Нелли, — ответил он.

Я посоветовала ему остерегаться гнева хозяина, и ждала, пока он переоденется, чтобы загасить свечу. Затем он продолжил:

— Кэтти и я убежали через прачечную, чтобы побродить на свободе и хоть мельком увидеть огни Гренджа. Мы подумали, что просто пойдем и посмотрим, как Линтоны проводят свои воскресные вечера. Они тоже стоят и дрожат по углам, в то время как их мама и папа сидят за столом, едят и пьют, поют и веселятся, и смотрят на жаркий огонь? Ты думаешь, они это делают? А может они читают им проповеди, а слуга дает уроки катехизиса, и они садятся разучивать названия разделов из Священного Писания, если отвечают неправильно?

— Нет, наверное, — откликнулась я. — Я не сомневаюсь в том, что они хорошие дети, и не заслуживают того обращения, которое получаете вы за ваше плохое поведение.

— Перестань лицемерить, Нелли, — сказал он. — Вздор! Мы бежали от вершины Перевала до парка без остановки. Кэтрин совершенно измучилась в пути, потому что была босиком. Ты будешь искать ее обувь завтра в болоте. Мы еле перебрались через сломанную изгородь, ощупью прокрались вверх по аллее, и притаились в цветнике под окном гостиной. Оттуда падал свет (они не закрыли ставни), а занавеси были задернуты лишь наполовину. Мы оба могли заглядывать в окно, стоя на выступе фундамента, прижавшись к стене. И мы увидели... Ах! Это было так красиво! Великолепная комната, на полу расстелен ковер малинового цвета, стулья и столы покрыты малиновым. Чисто белый потолок окаймлен золотом, а из центра, словно ливень, нитями свисали нити стеклянных капель, на концах которых мерцали маленькие нежные конусы. Старших

мистера и миссис Линтонов там не было. Все было в полном распоряжении Эдгара и его сестры. Не должны ли они уже от одного этого быть счастливы? Мы бы подумали, что находимся на небесах! А теперь догадайся, что твои *хорошие дети* там делали? Изабелла (я думаю, что ей одиннадцать — на год моложе Кэтти) лежала в дальнем углу комнаты, и орала и визжала так, словно ведьмы втыкали в нее раскаленные иглы. Эдгар стоял около камина и беззвучно рыдал, а посередине стола сидела маленькая собачонка, которая трясла своей лапкой и скулила. Судя по взаимным обвинениям детей, они каждый тянули ее к себе. Идиоты! Они так развлекались! Ссориться из-за того, кто станет держать в руках теплый комочек шерсти! И все плакали, потому что, подравшись за право получить его, каждый из этих двух отказался его принять. Мы хохотали до упаду над разбалованными любимчиками. Мы их презираем! Ты когда-нибудь слышала от меня, чтобы я просил что-либо из того, что хотелось Кэтти? Или видела, чтобы когда мы были вдвоем, требовали развлечения, и кричали и рыдали, и катались по полу в разных углах комнаты? Но я бы не променял, хоть за тысячу жизней, мое положение тут на положение Эдгара Линтона в Трашкросс Грендже. Нет! Даже если бы я имел возможность скинуть Джозефа с самой высокой крыши, и раскрасить фасад дома кровью Хиндли!

— Тише, тише! — прервала я. — Однако ты все еще не рассказал мне, Хитклиф, каким образом Кэтрин осталась там?

— Я сказал тебе, что мы хохотали, — ответил он. — Линтоны услышали нас, и словно сговорившись, разом кинулись стрелой к дверям. Сначала они замолкли, а потом завопили: «Ой, мама, мама! Ой, папа! Ой, мама, иди сюда! Ох, папа, ох!». Они действительно визжали что-то в этом роде. Мы издали страшный звук, чтобы навеять на них еще больший ужас. А потом мы слезли с выступа, потому что кто-то стал отодвигать засов, и мы решили, что будет лучше, если мы убежим. Я дергал Кэтти за руку, поторапливая ее, когда она в одночасье рухнула вниз. «Беги, Хитклиф, беги! — прошептала она. — Они спустили бульдога, и он держит меня!» Этот дьявол схватил ее за щиколотку. Нелли, я слышал его отвратительное фырканье. Она не кричала, нет! Она не стала бы этого делать, даже если бы была нанизана на рога бешеной коровы! Однако заорал я. Я сыпал проклятиями, достаточными для того, чтобы уничтожить любого злодея в христианском мире. Я подобрал камень и затолкал его между челюстей собаки, и изо всей силы глубоко и прочно запихнул его ей в глотку. Наконец, появился собачий смотритель с фонарем в руке, он кричал: «Держи крепко, Ищейка, держи крепко!» Однако он осекся, когда увидел ее добычу. Собака задыхалась, ее огромный багровый язык вываливался из пасти и свисал почти до земли, а по ее отвисшим губам стекали кровавые

слюни. Мужчина взял на руки Кэтти. Она была совсем слаба, но не от страха, я в этом уверен, а от боли. Он понес ее в дом, а я поплелся за ним следом, бормоча проклятия и обещая отомстить.

— Кого словили, Роберт? — громко крикнул стоящий у входа Линтон.

— Ищейка схватил маленькую девочку, сер! — ответил он. — А еще здесь есть мальчишка, — добавил он, хватая меня. — Судя по его виду — совершеннейший отщепенец! Очень похожи на разбойников, которых планировали посадить, чтобы те пролезли в окно и открыли двери всей банде после того, как все уснут, и чтобы те убили нас в наших же покоях. Попридержи язык, ты, и закрой свой рот, сквернослов! Ты за это отправишься на виселицу! Мистер Линтон, сер! Не убирайте свое ружье!

— Нет, нет, Роберт! — ответил старый глупец. — Негодяй разведал, что вчера я получил плату за ренту, и они задумали ловко заполучить мои деньги. Пусть приходят. Я обеспечу им прием! Ну же, Джон, закройте дверь на цепочку. Дайте Ищейке немного воды, Дженни! Так смело выступить против государственного служащего в его собственной цитадели, да к тому же в субботу! Где предел их дерзости? О, моя дорогая Мэри, посмотри сюда! Не бойся, это всего лишь мальчик, тем не менее, в его лице явно проступают черты злодея. Ну разве не было бы благом для всей страны повесить его раз и навсегда, прежде чем он проявит свою темную натуру в действии так же неприкрыто, как это вырисовывается сейчас на его лице?

Он притянул меня под люстру, а миссис Линтон водрузила себе на нос очки и сложила руки, изображая ужас. Трусливые дети тоже подобрались поближе. Изабелла прошепелявила:

— Какой ужас! Отведи его в подвал, папа! Он в точности как сын гадалки, который украл моего прирученного фазана. Это случайно не он, Эдгар?

Пока они меня допытывали, Кэтти пришла в себя. Она услышала последние слова и рассмеялась. Эдгар Линтон, закончив ее пристально разглядывать, наконец, собрался с мыслями и узнал ее. Он видел нас в церкви; ты знаешь, что нас редко можно встретить в другом месте.

— Это мисс Ирншоу, — прошептал он своей матери. — Смотри, как Ищейка искусал ее, у нее из ноги кровь так и хлещет!

— Мисс Ирншоу? Этого не может быть! — воскликнула дама. — Мисс Ирншоу рыщет по стране с цыганом! И все же, мой дорогой, ребенок находится в трауре, это несомненно, и к тому же, она может быть изувечена на всю жизнь!

— Это небрежность ее брата, заслуживающая порицания! — воскликнул мистер Линтон, поворачиваясь от Кэтрин ко мне. — Если я правильно понял Шилдерса (он был у нас приходским священником, сер),

ее брат позволяет ей расти в абсолютном невежестве. А это кто? Где она подобрала этого товарища? Ого! Должен сообщить, что это — странное приобретение моего недавно скончавшегося соседа, которое тот сделал во время своего путешествия в Ливерпуль, маленький матрос-индеец, а может американец, или испанец, потерпевший кораблекрушение.

— В любом случае, он испорченный мальчик, — заметила старая леди. — И совершенно неподходящий для порядочного дома. Вы заметили, какая у него речь, Линтон? Я в ужасе от того, что мои дети вынуждены были это слышать.

Я опять стал ругаться (не сердись, Нелли), так что Роберту приказали вывести меня вон. Я отказался идти без Кэтти, тогда он вытащил меня в сад, и вложил фонарь в мою руку. Он уверил меня, что мистеру Ирншоу доложат о моем поведении, и предложил мне тотчас отправляться восвояси, и закрыл двери с внутренней стороны. Шторы до сих пор были подвязаны веревкой с одной стороны, так что я, словно шпион, возвратился на свой наблюдательный пункт. Ведь если бы Кэтрин выявила желание вернуться, а они стали препятствовать ее уходу, я готов был разбить их огромное оконное стекло на миллион осколков. Она спокойно сидела на софе. Миссис Линтон сняла с нее серый с молочно-горчичным плащ, который мы позаимствовали на время нашей экскурсии, и покачивая головой, что-то ей говорила. Полагаю, она дружески корила ее; Кэтти была молодая леди, и потому они делали различие в обхождении с ней и со мной. Затем женщина-служанка принесла таз с теплой водой и вымыла Кэтти ноги. Мистер Линтон приготовил в высоком стакане глинтвейн, а Изабелла насыпала полную тарелку печенья и поставила ее ей на колени; Эдгар же стоял поодаль и всю на нее пялился. Позже они высушили и расчесали ее прекрасные волосы, дали пару огромных тапочек, и пододвинули ее к пылающему камину. Я оставил ее такой же радостный, какой была и она. Кэтти делилась своей едой с маленькой собачкой и Ищейкой, которого она пощекотала за нос, когда тот ел, и разжигала искры живого начала в безучастных голубых глазах Линтонов — туманный отблеск ее собственного очаровательного личика. Я увидел, что Линтоны были переполнены каким-то первобытным восхищением. Она лучше их многократно, лучше каждого на земле, разве нет, Нелли?

— Эта история не закончится так просто, как ты думаешь, — ответила я, укрывая его и гася фонарь. — Ты неисправим, Хитклиф. А мистер Хиндли, если тебе это интересно прибежит к крайностям, вот увидишь.

Мое пророчество оказалось правдивее, чем я ожидала. Злополучное происшествие привело Ирншоу в ярость. А затем мистер Линтон, чтобы загладить дело, попросил разрешения посетить нас утром, и прочитал

нашему молодому хозяину лекцию о том, какой дорогой тот ведет свою семью, так что Хиндли вынужден был взяться за мальчика всерьез. Хитклифа оставили без телесного наказания, но предупредили, что стоит ему произнести хоть одно слово, обращенное к мисс Кэтрин, как его тут же выгонят. Миссис Ирншоу обязалась держать свою золовку в надлежащей строгости, как только та возвратится домой; при этом решив прибегать только к хитрости, но никак не к силе: силой она бы ничего не добилась.

Глава VII

Кэтти задержалась в Трашкросс Грендже на пять недель, до самого Рождества. За это время ее щиколотка зажила окончательно, а манеры значительно улучшились. Пока Кэтти гостила, миссис Ирншоу неоднократно ее навещала, и там же взялась претворять в жизнь свой план изменений. Начала она с непростого повышения самооценки Кэтти, используя для этого такие атрибуты, как одежда и лесть. Кэтрин приняла это очень легко, причем настолько, что вместо дикого, простоволосого маленького человечка, прыгающего по дому и стремящегося задушить вас в своих объятиях, неожиданно для всех домой на статной черной лошадке

вернулась очень величаявая особа. Ее каштановые локоны ниспадали из-под бобровой шляпки, украшенной пером, а когда она шла, то двумя руками приподнимала длинное суконное одеяние. Хиндли помог ей спуститься с лошади; при этом он восхищенно восклицал:

— Кэтти, ты действительно прекрасна! Я с трудом узнаю тебя. Ты выглядишь сейчас как настоящая леди. Изабелла Линтон не идет в никакое сравнение с тобой, правда Френсис?

— У Изабеллы от природы нет таких данных, — отвечала его жена. — Однако Кэтти должна постоянно об этом помнить, чтобы не превратиться опять в дикарку. Эллен, помоги мисс Кэтти отнести ее вещи. Постойте, дорогая. Ваши волосы могут растрепаться; позвольте, я развяжу ленты на Вашей шляпке.

Я сняла с нее ее облачение, и из-под него засияло роскошное драпированное шелковое платье, белые панталоны и полированные туфли. Ее глаза радостно светились, когда собаки радостно скакали, приветствуя ее, но она рискнула лишь едва коснуться их, как бы они ни лебезили перед ней, одетую в шикарные одежды. Она поцеловала меня осторожно: я вся была в муке, ибо готовила рождественский пирог, и это не давало нам возможности крепко обняться. Затем оно огляделась вокруг, высматривая Хитклифа. Мистер и миссис Ирншоу с волнением наблюдали за их встречей, думая, что это даст им возможность решить, есть ли у них основания надеяться на успех в деле разлучения двух друзей.

Хитклифа поначалу было трудно доискаться. Если он и был легкомысленным и не следил за собой раньше, до отсутствия Кэтрин, то с того времени он стал выглядеть еще хуже раз в десять. Никто, кроме меня, не был так добр к нему, чтобы сказать, что он грязный, и заставить его помыться, хоть раз в неделю, ведь дети его возраста редко испытывают естественную потребность в мыле и воде. Не только его одежда, вся в грязи и пыли, служившая ему по три месяца, не только его жирные непричесанные волосы, но также кожа его лица и рук была уныло темной. Он тайком пробрался за лавку с широкой спинкой и спрятался за ней, откуда наблюдал за яркой изящной девицей, вошедшей в дом, а не той ее растрепанной копией, какую он ожидал увидеть.

— А разве Хитклиф не здесь? — спросила она, стягивая перчатки и обнажая пальцы, удивительно побелевшие за то время, пока она не выполняла никакой работы, пребывая в доме Линтонов.

— Хитклиф, ты можешь выйти, — заявил мистер Хиндли, предвкушая его смущение и радуясь, что ужасный молодой беспризорник вынужден будет показаться. — Ты можешь выйти и, как и остальные слуги, поприветствовать мисс Кэтрин с ее возвращением.

Кэтрин, краем глаза приметив своего друга в его укрытии, тотчас

бросилась к нему для объятий. В одну секунду она одарила его семью или восемь поцелуями в щечку, после чего отступила назад, взорвавшись смехом и восклицая:

— Почему ты прячешься? И каким чумазым и сердитым ты выглядишь! А какой ты смешной и мрачный! Это, наверное, потому, что я привыкла к Эдгару и Изабелле Линтонам. Ну же! Хитклиф, ты что, забыл меня?

У нее был повод, и не один, чтобы задавать такие вопросы. Он же даже не пошевелился, стыд и гордость читались на его лице.

— Пожми Кэтрин руку, Хитклиф, — сказал мистер Ирншоу снисходительно. — Один раз, в качестве исключения, я тебе разрешаю.

— Не буду, — ответил мальчик, наконец-то открыв рот. — Я не хочу становиться посмешищем, я этого не вынесу! — Он собрался было уйти, но мисс Кэтти удержала его.

— У меня и в мыслях не было надсмехаться над тобой, — сказала она. — Я просто не удержалась. Пожми мне руку, пожалуйста. Почему ты такой угрюмый? Я засмеялась только лишь оттого, что ты выглядишь чудно. Будет правильно, если ты вымоешь свое лицо и причешешь волосы. Какой же ты все-таки грязный! Она пристально и с интересом рассматривала его темные пальцы, которые держала в своих, а также поглядывала на свое платье. Она беспокоилась, не испачкается ли оно после того, как Хитклиф до него дотронется.

— Тебе не стоит прикасаться ко мне, — сказал он, наблюдая за ее взглядом, и вырывая свою руку из ее ладони. — Я буду таким грязным, каким захочу!

С этими словами он, сломя голову, кинулся из комнаты вон, оставляя хозяина и хозяйку посреди веселья, а Кэтрин — в состоянии серьезной обеспокоенности. Она так и не смогла понять, как ее слова могли вызвать столь бурную демонстрацию плохого настроения.

После разыгрывания сценки из «барыни-служанки» с новоприбывшей, я поставила в духовку свои пироги. От яркого огня, так подходящего для Рождественского вечера, и в доме, и на кухне стало веселее. Я же приготовилась удобно усестись в кресле и в полном одиночестве приятно провести время за пением Рождественских колядок, несмотря на заверения Джозефа, будто выбранные мною веселые Рождественские мелодии больше напоминают ему романсы. Сам же он уединился в своей комнате для приватной молитвы, а мистер и миссис Ирншоу очаровывали мисс Кэтрин своей заботой и разнообразными яркими безделушками, купленными ей в качестве подарка молодым Линтонам в знак признания их доброты к ней. Эдгара и Изабеллу пригласили провести завтрашний день на Грозном Перевале.

Приглашение было принято, но с одним условием: миссис Линтон умоляла, чтобы ее любимые дети были особо тщательно ограждены от присутствия «испорченного ругающегося мальчика».

Поэтому я пребывала на своем месте в одиночестве. Я вдыхала богатые ароматы, распространяющиеся по кухне от нагревающихся специй, и созерцала сверкающие (я полировала их часами) кухонные принадлежности, украшающие холл. Серебряные кружки были выставлены в ряд на подносе и готовы к тому, чтобы их наполнили глинтвейном к ужину. Но более всего я гордилась исключительно чистым полом, отчищенным и отмытым под моим персональным присмотром. Я отдала должное молчаливой благодарности каждого предмета, а потом вспомнила, как старый Ирншоу, после того как все уже было прибрано, приходил, называл меня трудягой, и вкладывал шиллинг в мою руку будто в рождественскую шкатулочку. А потом я стала думать о его любви к Хитклифу и о том, как он боялся, что тот после его смерти совсем останется без присмотра. Это естественным образом навело меня на мысль о том, чтобы обдумать ситуацию, в которой теперь оказался несчастный мальчик, и от песен моя душа перешла к слезам. Через некоторое время меня осенила поразившая меня мысль: ведь было бы больше пользы в том, чтобы исправить определенную несправедливость, чем лить над нею слезы. Я поднялась и вышла во двор, чтобы разыскать Хитклифа. Он был недалеко. Я нашла его поглаживающим блестящую шерстку новой лошадки, и раздающим корм остальным лошадям, как и обычно.

— Поторопись, Хитклиф, — сказала я. — На кухне так уютно. Джозеф поднялся вверх, так что поторопись и дай мне приодеть тебя перед приходом Кэти. А потом вы сможете посидеть вместе перед камином и болтать так долго, пока не разойдетесь по своим кроватям. — Хитклиф продолжал выполнять свою работу, и ни разу ко мне не обернулся.

— Иди же! Ну, ты идешь? — продолжила я. — Там есть кусок пирога для каждого из вас, достаточно большого. Тебе еще понадобится полчаса для того, чтобы переодеться.

Я прождала минут пять, и так и не дождавшись ответа, ушла. Кэтрин ужинала вместе со своим братом и его женой. Мы с Джозефом присоединились к унылой трапезе, приправленной упреками с одной стороны, и дерзостью с другой. Пирог и сыр для Хитклифа остались стоять на столике нетронутыми, как угощение для эльфов. Он работал до девяти часов, а затем молча ушел к себе в комнату; упрямый мальчишка. Кэти сидела допоздна среди вещей, заказанных для приема ее новых друзей. Она зашла на кухню лишь раз, чтобы поговорить со своим единственным старым другом. Но он уже ушел, а она лишь задержалась спросить, что с

ним случилось, и затем ушла обратно.

Утром он встал раньше обычного в плохом настроении, но так как был выходной, то ушел на вересковую пустошь и не возвращался до тех пор, пока вся семья не отправилась в церковь. Голод и раздумья, кажется, привели его в лучшее расположение духа. Он покрутился вокруг меня некоторое время, и набравшись смелости, резко выкрикнул:

— Нелли, приведи меня в порядок, я собираюсь исправиться.

— Наконец-то, Хитклиф! — сказала я. — Ты огорчил Кэтрин. Думаю, что она сожалеет о том, что вернулась домой. Со стороны это выглядит так, будто ты завидуешь ей, потому что она получает больше внимания, чем ты.

Для него это было непостижимо — завидовать Кэтрин, но то, что Кэтрин может быть огорчена, это он понимал очень хорошо.

— Она сказала, что была огорчена? — поинтересовался он, глядя очень серьезно.

— Она заплакала, когда я сказала ей, что ты опять ушел этим утром.

— Ну да, и я плакал этой ночью, — ответил он. — Но у меня больше причин плакать, чем у нее.

— Да, у тебя было больше оснований лечь вчера спать с гордо поднятой головой и на пустой желудок, — сказала я. — Люди с гордыней сами порождают для себя печали. Но когда тебе станет совестно от собственной обидчивости, думаю, ты должен будешь попросить у нее прощения, после того как она вернется. Тебе надо будет пойти и попросить разрешения поцеловать ее, и сказать... Тебе лучше знать, что сказать, только сделай это искренне. И не так, будто ты считаешь, что она превратилась в незнакомку в шикарном платье. А сейчас, несмотря на то, что мне надо готовить обед, я уделю немного времени, чтобы подготовить тебя так, что Эдгар Линтон будет выглядеть совершеннейшей куклой рядом с тобой, впрочем, он таким и есть. Ты младше, однако осмелюсь утверждать, что ты выше и в два раза шире его в плечах. Да ты можешь справиться с ним в два счета! Ты же чувствуешь, что можешь?

Лицо Хитклифа моментально просияло, но вскоре снова стало мрачным, и он завздыхал.

— Но, Нелли, пусть даже я собою его с ног двадцать раз, это не сделает меня более красивым. Тем более, я бы хотел, чтобы у меня были светлые волосы и гладкая красивая кожа, хотел бы хорошо одеваться и вести себя как положено, и иметь возможность быть таким же богатым, каким будет он!

— И звать маму на каждом углу, — добавила я, — и дрожать от страха, если вдруг деревенский мальчишка покажет тебе свой кулак, и сидеть дома целый день, когда на улице льет дождь. Господи, Хитклиф, что за упадническое настроение! Подойди к зеркалу, и я покажу тебе, чего ты

должен желать на самом деле. Ты видишь эти две линии над глазами, эти густые брови, которые вместо того, чтобы изгибаться кверху словно арки, опущены книзу у переносицы? Они словно скрывают под собой двоих черных друзей, глубоко спрятанных, которые никогда не открывают своих окон смело, а скрывают под бровями свой блеск, словно лазутчики дьявола? Желай и учись разглаживать угрюмые морщины, поднимать свои веки смело, и замени бесенят в своих глазах на уверенных, чистых ангелов. Пусть эти ангелы смотрят без подозрительности или сомнений, но всегда выглядят дружески, если только ты не уверен, что перед тобой враг. Не будь словно злобная дворняжка, которая, знает, что получает тумачи по заслугам, но, тем не менее, ненавидит весь мир так, как упрямец, который все это терпит.

— Иначе говоря, я должен желать больших голубых глаз и ровного лба Эдгара Линтона? — ответил Хитклиф. — Я желаю, однако от этого они у меня не появятся.

— Добрая душа поможет тебе иметь красивое лицо, мой мальчик, даже если ты был до этого постоянно чумазым. Но злая душа превратит любое, даже самое красиво лицо, в уродливое. Ну а теперь, когда мы тебя помыли, причесали, и избавились от злости, скажи мне, не считаешь ли ты, что стал несколько красивее? Так вот, скажу тебе, что я так считаю. Ты словно переодетый принц. Кто знает, может твой отец был императором Китая, а мать — королевой Индии, и каждый из них в состоянии купить на свой недельный доход Грозовой Перевал и Трашкросс Грендж вместе взятые? А может ты был похищен злыми моряками и переправлен в Англию? А? Будь я на твоём месте, я бы вообразила, что я особа знатного происхождения, и тогда мысль о том, кто я такая, придавала бы мне отваги и достоинства сносить все притеснения жалкого фермера.

Именно так я говорила, и Хитклиф постепенно избавлялся от насупленных бровей, взгляд его становился вполне веселым, как наше общение в одно мгновение было прервано грохотом, который сначала доносился с мощеной тропинки, а потом донесся со двора. Хитклиф подбежал к окну, а я к двери как раз вовремя, чтобы увидеть, как двое младших Линтонов вышли из семейного экипажа, укутанные в меха и мантии, а Ирншоу спешили со своих коней (зимой они часто ездили в церковь верхом). Кэтрин взяла за руку каждого из детей, завела их в дом, и усадила их перед камином, возле которого их бледные лица быстро покрылись румянцем.

Я убедила своего спутника поторопиться и, не откладывая дела в долгий ящик, продемонстрировать свое доброжелательное настроение. Хитклиф с радостью согласился, но к его несчастью, как только он открыл ведущие из кухни двери с одной стороны, в этот же момент Хиндли открыл

их с другой, и они встретились. Хозяин рассердился, увидев Хитклифа чистым и веселым, и тут же со стремительным напором втолкнул его обратно в кухню (очевидно, выполняя свое обещание, данное миссис Ирншоу). Хиндли гневно распорядился, чтобы Джозеф не пускал парня в комнаты и отправил того на мансарду аж до тех пор, пока не закончится обед.

— А то чего доброго, еще станет засовывать пальцы во фруктовый пирог и таскать фрукты, если оставить его с гостями хоть на минуту.

— Да нет же, сер, — не смогла удержаться я, чтобы не ответить. — Он ни к чему не притронется, ни к чему. Я также считаю, что Хитклиф должен получить свою долю угощений, впрочем, как и каждый из нас.

— Он получит свою долю от моей руки, если я встречу его внизу до того, как стемнеет, — закричал Хиндли. — Убирайся вон, бездельник! В чем дело?! Ты пытаешься корчить из себя самодовольного пижона, ты?! Погоди-ка, я еще доберусь до этих роскошных кудрей! Увидишь тогда, не сделаю ли я их хоть чуточку длиннее!

— Они и без того достаточно длинные, — сказал наблюдавший за всем мистер Линтон-младший, стоя в дверном проеме. — Я удивляюсь, как еще от них у него не болит голова. Это же как грива у жеребенка, падающая тому на глаза!

Он осмелился на такое замечание без малейшего намерения оскорбить кого-либо. Однако вспыльчивый нрав Хитклифа не был готов снести такое проявление дерзости ни от кого, к кому питал ненависть, а тем более от соперника. Он схватил миску горячего яблочного пюре (первое, что попало под руку), и выплеснул все ее содержимое на лицо и шею Линтона. Тот сразу начал плакать. Изабелла и Кэтрин поспешили на место происшествия. Мистер Ирншоу схватил виновника и уволок его в свою комнату, где по всей видимости, применил жесткие меры по придушению вспышки гнева, ибо вернулся покрасневшим и задыхающимся. Я взяла кухонное полотенце и довольно грубо обтерла Эдгару нос и рот, приговаривая, что он заслужил это своим вмешательством. Его сестра начала рыдать и проситься домой, а Кэтти стояла обескураженная, краснея за все.

— Вы не должны были говорить ему, — укоряла она Эдгара Линтона. — Хитклиф был в плохом настроении, и теперь Вы испортили свой визит. А Хитклифа теперь выпорят, а я ненавижу, когда его бьют! Я не смогу есть свой обед. Зачем Вы ему это сказали, Эдгар?

— Я ничего такого не сделал, — всхлипывал юноша, вырываясь из моих рук, и заканчивая вытираться батистовым носовым платком. — Я обещал маме, что не пророню в его сторону ни единого слова, и не сдержал обещания.

— Ну ладно, не плачьте, — сказала Кэтрин презрительно, — Вас же не убили. Не причиняйте больше никакого вреда. Мой брат идет, тише! Изабелла, Вас разве кто-нибудь обидел?

— Туда, туда, дети! На свои места! — суетясь, зывал Хиндли. — Я как следует взгрел этого бессердечного мальчишку. В следующий раз, господин Эдгар, вершите правосудие своими собственными руками, это прибавит Вам аппетита!

Маленькая компания вернула себе самообладание при виде ароматных угощений. Они проголодались во время своей поездки, и быстро успокоились, поскольку никакого серьезного вреда им никто не причинил. Мистер Ирншоу разделил между всеми угощения, щедро наполнив ими тарелки, а хозяйка разбавила трапезу оживленным разговором. Я прислуживала, стоя за креслом миссис Ирншоу, и была очень огорчена, увидев как Кэтрин, с сухими глазами и безучастным лицом, разрезает крылышко гуся, лежащее перед ней на тарелке. «Какой бессердечный ребенок, — мысленно говорила я сама себе, — как легко она забывает горести своих старых друзей! Я даже предположить не могла, насколько она эгоистична». Кэтти поднесла к губам небольшой кусочек еды, но тут же вернула его обратно на тарелку. Ее щеки вспыхнули, и по ним ручьем потекли слезы. Она специально упустила свою вилку на пол, после чего торопливо нырнула под скатерть, чтобы скрыть свои переживания. Я поняла, что целый день она чувствовала себя словно в аду, и устала искать подходящего случая, чтобы успокоиться и проведать Хитклифа, которого запер хозяин. Я обнаружила это, когда попыталась тайно от всех принести тому блюдо с провизией.

Вечером в доме были танцы. Кэтти упрашивала, чтобы Хитклифа к этому времени выпустили, ибо у Изабеллы Линтон не было партнера. Однако ее мольбы были напрасными. Восполнить недостачу в партнере назначили мне. В азарте танцев наше уныние развеялось, а удовольствие даже возросло: прибыл Джиммертонский оркестр. Он состоял из пятнадцати инструментов: труба, тромбон, кларнеты, фаготы, французские рожки, контрабас, и это не считая певцов. Оркестр каждое Рождество по очереди посещает все уважаемые дома в округе и принимает пожертвования. Мы отдали должное этому первоклассному удовольствию, слушая музыкантов. После того, как были исполнены традиционные колядки, мы потребовали от них их веселых песен и радостных мелодий. Миссис Ирншоу любила музыку, поэтому музыки было в избытке.

Кэтрин тоже любила музыку, но она сказала, что музыка звучит более мелодично, если ее слушать с высоты, и поднялась по лестнице вверх, в темноту. Я проследовала за ней. Они заперли двери дома внизу, так и не заметив нашего отсутствия, ведь дом и так был заполнен людьми. Кэтти не

стала задерживаться на верхних ступенях, а приставила лестницу, ведущую выше, на мансарду, где был заключен Хитклиф, и окликнула его. В течение некоторого времени он упорно отказывался откликаться. Но она проявила упорство, и наконец, убедила его пообщаться с ней через дощатые двери. Я дала бедняжкам возможность спокойно пообщаться, пока звучали песни. Когда музыкантов пригласили поесть и передохнуть, я вскарабкалась на лестницу, чтобы предупредить Кэтрин. Вместо того чтобы найти ее снаружи, я услышала ее голос с внутренней стороны. Маленькая обезьянка пролезла через одно из отверстий для света в крыше (они были расположены вдоль всей черепицы), и забралась в другое. Самым трудным для меня оказалось уговорить ее вылезти обратно. Когда она вернулась, вместе с ней был и Хитклиф. Кэтти настояла на том, что я должна отвести его на кухню, так как Джозеф ушел к соседям, чтобы держаться подальше от звуков нашего «дьявольского пения псалмов», как ему нравилось это называть. Я сказала им, что в мои обязанности не входит поощрять их пашни, но так как узник ни разу не нарушил свою голодовку со времени вчерашнего обеда, то один раз я закрою глаза на проделки мистера Хиндли. Хитклиф спустился. Я усадила его на табурет возле огня и предложила ему огромный выбор еды. Но он плохо себя чувствовал и мог съесть лишь немного, а моя попытка развлечь его была им отклонена. Он наклонился, упершись локтями в колени, а подбородок положил на кисти рук, и замер, погружившись в молчаливые размышления. На мои расспросы по поводу предмета его дум он с трудом ответил:

— Я мучаюсь поиском решения, чем мне отплатить Хиндли. Меня не волнует, сколько мне придется ждать, пусть даже я смогу это сделать лишь в самом конце. Я лишь надеюсь, он умрет не раньше, чем я это сделаю!

— Ты бы постыдился, Хитклиф! — сказала я. — Это дело Бога — наказывать грешников, мы же должны учиться прощению.

— Нет, Бог не получит такого удовлетворения, какое получу я! — ответил он. — Я только хочу знать, как это можно сделать лучше! Оставь меня одного, мне просто надо отыскать наилучший способ. Когда я думаю об этом, я не страдаю.

Однако, мистер Локвуд, я забываю, что мои рассказы не могут увлечь Вас. Мне жаль. О чем я думала, болтая с такой скоростью? И каша Ваша уже остыла, да и сами Вы клюете носом. Я могла бы поведать Вам историю Хитклифа и все, что Вы хотите знать, не рассказывая и половины из того, что я Вам тут наговорила.

Так, прервав саму себя, домоправительница поднялась со своего места и стала откладывать в сторону свое шитье. Но я чувствовал, что не могу оторваться от камина, да и спать мне не хотелось.

— Не беспокойтесь, миссис Дин, — воскликнул я. — Продолжайте

спокойно свой рассказ. Вы поступили очень правильно, рассказав мне историю так неспешно. Это именно то, что мне нравится. И закончить историю Вы тоже должны в таком же темпе. Мне интересен каждый персонаж, упомянутый Вами, кто больше, кто меньше.

— Но часы уже пробили одиннадцать, сер.

— Не проблема, я привык укладываться в постель даже гораздо позже. Час или два ночи — довольно раннее время для человека, который поднимается не раньше десяти.

— Вы не должны лежать в кровати аж до десяти часов. Это самые лучшие утренние часы, которые Вы просто теряете. А человек, который не выполняет половины своей дневной работы до десяти часов, теряет шанс закончить ее и во второй половине дня.

— Тем не менее, миссис Дин, возвращайтесь в свое кресло, потому что завтра я намерен продлить ночной отдых как минимум до полудня. Сдается мне, я подхватываю трудноизлечимую простуду.

— Надеюсь, этого не произойдет, сер. Ну хорошо, разрешите мне перенестись через три года, в течение которых миссис Ирншоу...

— Нет, нет, я не могу разрешить Вам ничего подобного! Вам знакомо такое состояние, когда Вы сидите в одиночестве и сосредоточенно наблюдаете за тем, как кошка на коврик перед Вами облизывает своего котенка; и тут Вы замечаете, что кошка не вылизала одно ушко, и Вы всерьез теряете самообладание?

— В высшей мере лениво-неспешное настроение, я бы назвала это так.

— Наоборот, изнурительно-активное. Именно в таком состоянии я и пребываю сейчас. Поэтому продолжайте рассказывать во всех подробностях. Я так понимаю, что люди в этих местах приобретают по сравнению с горожанами определенную ценность, наподобие того, как для обитателей подземелья паук имеет ценность большую, чем для жителей коттеджа. И все-таки, их значимость зависит не только от местоположения наблюдателя. Люди сами *делают* жизнь более полноценной, больше заботятся о себе, придают меньше значения внешним атрибутам. Я считал, что привязанность к одному месту на всю жизнь здесь едва ли возможна. Более того, я был неизменным скептиком относительно привязанности вообще на длительное время. В одном случае это похоже на то, как голодному человеку предлагают лишь одно блюдо, которым он может умерить свой аппетит, и это будет для него правильно. В другом случае, его можно пригласить к столу с обилием блюд французской кухни, и тогда человек имеет возможность получить наслаждение от каждого блюда, хоть каждое из них является не более чем мельчайшей частичкой его впечатлений.

— Мы здесь такие же, как люди в других местах, стоит лишь лучше узнать нас, — подытожила миссис Дин, до некоторой степени озадаченная моей речью.

— Извините меня, — отреагировал я, — но Вы, мой милый друг, поразительное доказательство, противоречащее этому суждению. За исключением небольшой дозы провинциализма, являющегося логическим следствием Вашего проживания здесь, у Вас нет даже намека на манеры, которые я привык считать характерным для вашего сословия. Я уверен, что Вы в своей жизни размышляли намного больше, чем это делает большинство слуг. Вы были вынуждены развивать свои мысленные способности, ибо в Вашей жизни с лихвой было обстоятельств, из-за которых Вы не разменивались на мелочи.

Миссис Дин рассмеялась.

— Я, конечно, уважаю и свое постоянство, и рассудительность своей натуры, — сказала она. — Однако это не только потому, что живу среди гор и наблюдаю одни и те же лица, выполняя одну и ту же работу из года в год. Но большей частью из-за того, что подвергалась жестоким наказаниям, которые научили меня мудрости. Кроме того, я много читала, больше, чем Вы можете себе представить, мистер Локвуд. Вам не удастся найти ни одной книги в этой библиотеке, в которую я бы уже не заглянула и не почерпнула из нее что-нибудь полезное. За исключением книг на греческом языке и латыни, а также на французском языке. И то, я знаю, как отличить книгу на одном языке от книги на другом. Это самое большее, что Вы можете ожидать от дочери бедняка. Но, как бы там ни было, уж коли я придерживаюсь в своем рассказе выбранного стиля повествования, то мне лучше продолжить. А вместо того, чтобы перескочить через три года, я ограничусь переходом к следующему лету, лету 1778-го: это почти 23 года назад.

Глава VIII

В одно прекрасное июньское утро на свет появился замечательный новорожденный, последний из старинного рода Ирншоу, и первый, кого мне довелось нянчить. Мы были заняты заготовкой сена на дальнем поле. Девочка, которая обычно приносила нам завтраки, прибежала к нам раньше обычного. Она стала окликать меня еще издалека, пока бежала через луг по тропинке.

— Этот ребенок такой чудесный! — произнесла она, запыхавшись. — Самый красивый малыш из всех существующих! Но доктор сказал, что миссис вскоре покинет нас: на протяжении многих месяцев она страдала

чахоткой. Я слыхала, как он сказал мистеру Хиндли, что уже ничто не сможет удержать ее на этом свете, и что она умрет еще до зимы. Вы немедленно должны вернуться в дом. Нелли, Вы будете нянчить малыша, кормить его молоком с сахаром, и обеспечивать полный уход за ним, и днем, и ночью. Как бы мне хотелось быть на Вашем месте, потому что когда миссис не станет, он будет всецело Вашим.

— Неужели она настолько больна? — спросила я, кидая грабли и повязывая капор.

— Думаю, что да. Тем не менее, она держится очень бодро, — заметила девушка. — Она считает, что проживет еще достаточно долго, и увидит, как ее сын вырастет и превратиться во взрослого мужчину. Она вне себя от радости, что он такой красивый! Если бы я была на ее месте, я бы точно не умерла. Я бы поправилась, просто смотря на малыша, назло Кеннету. Я была бы от него просто без ума. Когда Арчер снесла новорожденного ангелочка вниз, к хозяину дома, то его лицо просто засияло. К нему подошел доктор, этот предвестник беды, и сказал:

— Ирншоу, Ваша жена просто благодетельствовала Вас, оставив Вам такого сына, будучи такой изможденной. Когда она пришла в этот дом, я был уверен, что она не задержится долго на этом свете. И сейчас я должен сообщить Вам, что вероятнее всего, этой зимой она скончается. Не принимайте это близко к сердцу и не беспокойтесь об этом чересчур, помочь ей я уже не смогу. К слову сказать, Вам бы следовало лучше обо всем разузнать, прежде чем в спешке выбирать такую возлюбленную.

— И что ответил хозяин? — спросила я.

— Кажется, он выругался. Но мои мысли были не о нем. Я стремилась поскорее увидеть дитя, — и служанка снова начала восторженно описывать младенца.

Я так же рьяно, как и она, заторопилась домой, чтобы, с одной стороны, выразить восторг. С другой стороны, я была очень огорчена из-за Хиндли. В его сердце было место только для двух идолов: для своей жены и для себя самого. Он любил до безумия обоих, и обожал первую. Я не могла представить, как он сможет пережить утрату.

Когда мы добрались до Грозового Перевала, Хиндли стоял в дверях. Войдя в дом, я спросила:

— Ну как малыш?

— Я готов чуть ли не плясать вокруг него, Нелли! — ответил он с веселой улыбкой на лице.

— А хозяйка? — рискнула полюбопытствовать я. — Доктор говорит, что она...

— К черту доктора! — прервал он меня, наливаясь краской. — Френсис совершенно права: она будет в прекрасной форме уже через неделю. Вы собираетесь подниматься наверх? Скажите ей, что я приду, если она пообещает мне не разговаривать. Я оставил ее, потому что она не может удерживать свой язык за зубами, а она обязана это сделать. Передайте ей, что мистер Кеннет сказал — ей нужен покой.

Я передала это сообщение миссис Ирншоу. Она была в игривом настроении и весело ответила:

— Я с трудом произношу слова, Эллен. Он дважды, в слезах, оставлял меня. Ну да ладно, скажи, что я обещаю молчать. Но это не означает, что я не стану смеяться над ним!

Несчастное создание! Даже за неделю до кончины веселый нрав не изменил ей. Более того, ее муж яростно утверждал и продолжал упорно настаивать на этом, что ее здоровье улучшается день ото дня. Когда Кеннет предупредил, что его лекарства на текущей стадии болезни более не эффективны, и он прекращает пользоваться больную, не желая ввергать Хиндли в дальнейшие расходы, тот отреагировал резко:

— Я знаю, что Вы больше не желаете лечить ее. Она вполне хорошо себя чувствует, и не нуждается в Ваших дальнейших визитах! У нее никогда не было чахотки! Это была нервная лихорадка, однако теперь она прошла. Ее пульс такой же умеренный, как и мой, и ее щеки больше не пылают от жара.

Своей жене он сказал то же самое, и казалось, она ему поверила. Но однажды ночью, когда она, прислонившись к его плечу, делилась своими соображениями по поводу того, что завтра будет в состоянии подняться, она закашлялась. Это был незначительный, единичный приступ кашля. Хитклиф поднял ее на руки, а она обхватила его шею двумя руками. Лицо ее вдруг переменялось, и она умерла.

Как и предполагала девушка, малыш Хертон оказался полностью на моем попечении. Мистер Ирншоу, видя его постоянно здоровым и не слыша, как он плачет, был чрезвычайно доволен уходом за ним. Что касается самого Хиндли, то его отчаяние нарастало. Его скорбь была особого вида, когда на горе не жалуются. Он никогда не плакал и не молился, он проклинал и протестовал, ненавидел Бога и все человечество. Он безрассудно растрачивал свою жизнь, слуги же не могли долго выносить его деспотии и порочного поведения. Только Джозеф и я были единственными, кто мог продолжать жить во всем этом. У меня не хватало духа вот так взять и бросить свои обязанности. Кроме того, Вы знаете, я была молочной сестрой Хиндли, и потому прощала его проступки с

большой готовностью, чем это мог сделать кто-то посторонний. Джозеф тоже оставался на своем месте, он грубил арендаторам и рабочим, потому что это было его призванием — быть там, где существует достаточно проступков, чтобы за них можно было побранить.

Греховный путь хозяина и его порочные друзья служили хорошим назиданием для Кэтрин и Хитклифа. Того, как Хиндли обращался с Хитклифом, было достаточно, чтобы даже святой стал дьяволом. И честно говоря, иногда даже казалось, будто негодный мальчишка был одержим чем-то дьявольским в тот период. Он радовался грехопадению Хиндли и его деградации. Сам же Хитклиф день ото дня превращался во все большего дикаря, нелюдимого и угрюмого. Я не могу передать даже половины из того, какой ад творился тогда в доме. Приходской священник перестал навещать нас. Так что, в конце концов, ни один порядочный человек даже не приближался к нашему дому. Исключение составляли лишь визиты Эдгара Линтона к мисс Кэтрин, но это был особый случай. В пятнадцать лет она стала местной королевой, никто не мог даже сравниться с ней, а она превратилась в высокомерное своевольное создание! Признаюсь, я стала недолюбливать ее после того, как ее детство закончилось. Она часто обижала меня, когда я пыталась (не всегда успешно) осадить ее высокомерие, но при этом она никогда не питала ко мне антипатии. Она была на удивление постоянна в своих старых привязанностях, даже Хитклиф неизменно сохранял свою власть над ее любовью, в то время как молодому Линтону, со всем его превосходством, произвести столь же глубокое впечатление на нее было весьма затруднительно. Эдгар Линтон был моим покойным хозяином, это его портрет висит над камином. Его портрет висел с одной стороны, а его жены — с другой. Но ее портрет сняли, а то бы Вы увидели, хоть приблизительно, какой она была. Разве Вы можете сделать это без портрета?

Миссис Дин подняла свечу, и я разглядел миловидное лицо, чрезвычайно похожее на лицо молодой барышни из Грозового Перевала, однако более доброжелательное и печальное в своей выразительности. Портрет производил довольно милое впечатление. Длинные светлые волосы, слегка вьющиеся на висках, большие серьезные глаза, изящная фигура. Я не удивлен, что Кэтрин Ирншоу могла позабыть своего первого друга ради такой личности. Я был поражен, как он, с его душой, так соответствовавшей его внешности, мог навеять мне мое теперешнее представление о Кэтрин Ирншоу?

— Очень милый портрет, — поделился я своими впечатлениями с домоправительницей. — Он тут похож на себя?

— Да, — ответила она, — но он выглядел лучше, когда был оживленным. Здесь его обычное выражение лица, он хотел передать основную суть своего характера.

Кэтрин продолжала поддерживать свое знакомство с Линтонами после ее пятинедельного пребывания у них. Она не демонстрировала свой характер с неприглядной стороны в их компании, у нее хватало ума стыдиться собственной невоспитанности среди тех, у кого она получила опыт постоянной учтивости. Ее природная сердечность невольно вызвала расположение к ней старших мистера и миссис Линтонов, восхищение Изабеллы, и завоевала сердце и душу Эдгара. Таким приобретением она была польщена с самого начала. Амбиции переполняли ее. Она приняла решение вести себя по-разному в разных местах, при этом совершенно точно оставаясь верной всем. В доме, в котором она услышала, как Хитклифа назвали «вульгарным молодым бандитом», который «хуже чем скотина», она позаботилась о том, чтобы не вести себя подобно ему. У себя дома она была склонна практиковать учтивость, которую тут могли только высмеять, и сдерживала свою непокорную натуру, даже когда за это она не достаивалась ни похвалы, ни уважения.

Мистер Эдгар редко набирался смелости открыто посещать Грозовой Перевал. Он был в ужасе от репутации Ирншоу, и весь внутренне съезжился, когда сталкивался с ним. Тем не менее, Линтон-младший неизменно пытался быть максимально любезным с мистером Хиндли. Сам же хозяин открыто избегал его, зная, для чего тот пришел, и если уж он не мог быть с ним учтивым, то хотя бы старался держаться от него в стороне.

Я была склонна предполагать, что появление Эдгара в доме Ирншоу было для Кэтрин неприятным. Она чувствовала себя неловко, никогда не кокетничала, и по ее внешнему виду было заметно, что она противница того, чтобы два ее друга встречались вообще. Ибо когда Хитклиф проявлял свое неуважение к Линтону в его присутствии, то она никоим образом не могла продемонстрировать свое согласие с ним, как это она делала, когда Линтона рядом не было. А когда Линтон выказывал отвращение и антипатию к Хитклифу, то она позволяла себе относиться к проявлению его чувств безразлично, как будто пренебрежение к другу ее детства было для нее несколько не важным. Я не раз смеялась над ее замешательством и невысказанными тревогами, которые она понапрасну пыталась скрыть от моих насмешек. Это может показаться зловредностью с моей стороны, но она стала такой высокомерной, что соболезнавать ее горестям стало просто невозможно, по крайней мере до того времени, пока она не проявит большего смирения. В конце концов, настал момент, когда она доверилась

мне и призналась во всем, ведь во всем доме не было ни одной другой души, к которой она могла бы обратиться за советом.

Как-то после обеда мистер Хиндли вышел из дома, и Хитклиф решил устроить себе выходной от постоянной каторги. Кажется, в то время ему уже исполнилось шестнадцать. Несмотря на то, что он был недурен собой и не страдал отсутствием интеллекта, он умудрялся производить впечатление самого отталкивающего (как внешне, так и внутренне) человека, что никоим образом не сохранилось в его теперешнем облике.

Во-первых, он растратил преимущества, которые ему давало его начальное образование. Постоянная изнурительная работа, которая начиналась рано и заканчивалась поздно, убила в нем даже малейшую любознательность, его прежнюю одержимость получать знания, его любовь к книгам и учебе. Его внутреннее превосходство, внушенное ему в детстве под покровительством старого мистера Ирншоу, исчезло напрочь. Он долгое время старался держаться в учебе на равных с Кэтрин, но в результате сдался, мучительно и всецело. В какой-то момент он осознал, что больше не может двигаться вверх, что постепенно, но верно, опускается на свой прежний уровень. Тогда его внутреннее состояние полностью проявилось его внешнем облике. В его движениях появилась неуклюжесть, он стал выглядеть как простолудин, а его природная сдержанность в характере трансформировалась чуть ли не в идиотскую крайность нелюдимо угрумости высшей степени. Казалось, он получает мрачное удовольствие от того, что вместо уважения к себе, он пробуждает в своих немногочисленных знакомых отвращение к своей персоне.

Кэтрин и Хитклиф до последнего времени постоянно составляли друг другу компанию, и во время таких встреч он мог передохнуть от работы. Однако постепенно Хитклиф перестал выражать свою нежность к ней словами, и шараялся в ужасе от ее девчачьих нежностей, прекрасно понимая, что не может она получать удовольствие, расточая в его сторону подобные знаки внимания. Не разглашая причины, он пришел в дом сообщить о своем намерении устроить для себя перерыв в работе. В это время я помогала мисс Кэтти приводить в порядок ее одежду. Она не рассчитывала, что он может побеспокоить ее только потому, что ему в голову взбредет идея побездельничать. Она рассчитывала, что будет иметь в своем распоряжении некоторое время, и каким-то образом умудрилась сообщить мистеру Эдгару об отлучке своего брата, и стала готовиться к его приему.

— Кэтти, ты будешь занята после обеда? — спросил Хитклиф. — Ты куда-нибудь собираешься?

— Нет, идет дождь, — ответила она.

— Зачем ты тогда надела шелковое платье? — сказал он. — Надеюсь, сюда никто не придет?

— Насколько я знаю, нет, — запнулась мисс. — Но ведь ты же должен быть сейчас в поле, Хитклиф. Время обеда уже прошло, я думала, что ты уже ушел.

— Хиндли не часто освобождает нас от своего отвратительного присутствия, — заметил мальчик. — Сегодня я больше не буду работать. Я останусь с тобой.

— Да, но Джозеф все расскажет, — предположила она. — Тебе лучше уйти.

— Джозеф собирает сплетни на дальней стороне Пенистоун Крегс, он будет занят дотемна, и он никогда не узнает.

Так, разговаривая, он неспешно подошел к камину и сел возле него. Реакция Кэтрин была незамедлительной (она считала, что должна позаботиться о том, чтобы сгладить момент появления неожиданных гостей). Нахмутив лоб, она сказала после минутного молчания:

— Изабелла и Эдгар Линтоны сказали, что заедут после обеда. Но так как идет дождь, я не ожидаю их прихода. Однако они могут придти, и если такое случится, ты рискуешь быть выруганным ни за что.

— Прикажи Эллен, чтобы она сказала, что ты занята, Кэтти, — упорствовал Хитклиф. — Не прогоняй меня ради твоих несчастных глупых друзей! Иногда я еле сдерживаю себя, чтобы не пожаловаться на то, что они... Но я не буду.

— Что они что? — закричала Кэтрин, пристально смотря на Хитклифа. На ее лице читалась обеспокоенность.

— Ах, Нелли, — обиженно добавила она, отдергивая свою голову прочь от моих рук, — ты расчесала мои волосы так, что на них совсем не осталось локонов! Достаточно, оставь меня! Так что ты там говорил, Хитклиф, что еле сдерживаешь себя, чтобы не жаловаться?

— Ничего, ты только глянь на календарь на этой стене, — он указал на листок в рамке, висящий у окна, и продолжил: — Крестиками обозначены те вечера, которые ты посвятила Линтонам, а точками — те, которые ты потратила на меня. Ты видишь? Я делал пометки каждый день.

— Да. Очень глупо, будто я должна знать об этом, — ответила Кэтрин с раздражением в голосе. — И какой в этом смысл?

— Показать, что я *делал* заметки, — сказал Хитклиф.

— И что, я обязана всегда сидеть с тобой? — потребовала она ответа, все более раздражаясь. — Какая мне от этого польза? О чем ты

разговариваешь со мной? С таким же успехом ты мог быть немым или несмышленным малышом. Ты так же молчишь и ничего не делаешь, чтобы развлечь меня.

— Ты никогда раньше не говорила, что я мало разговариваю с тобой, и что тебя не устраивает моя компания, Кэти! — воскликнул Хитклиф в сильном волнении.

— Это вовсе не компания, когда люди ничего не узнают и ни о чем не говорят, — проворчала она.

Хитклиф вскочил, намереваясь выказать свои чувства, но не успел — послышался топот лошадиных копыт по булыжнику. Осторожно постучав, вошел молодой Линтон. Его лицо радостно сияло от неожиданного приглашения, которое он получил от Кэтрин. Конечно же, она отметила разницу между двумя своими друзьями, когда один зашел, а другой вышел. Контраст был таким же, как между холмистой местностью с суровым климатом и каменистым грунтом, и плодородной долиной. Их голоса и поклоны настолько различались, как их внешний вид. У Линтона была приятная, тихая манера говорить. Он произносил свои слова так, как Вы, не так резко, как мы говорим здесь, мягче.

— Ну, вот и я! Надеюсь, я не слишком рано? — сказал он, бросая на меня свой взгляд. Я начала протирать столовое серебро и наводить порядок в выдвижных ящиках кухонного шкафа для посуды в дальнем углу.

— Нет, не рано, — отреагировала Кэтрин. — Нелли, что ты там делаешь?

— Выполняю свою работу, мисс, — ответила я (мистер Хиндли дал мне четкие указания, чтобы я присутствовала как третья сторона при любых наносимых визитах).

Она подошла ко мне сзади и сердито прошептала:

— Уходи отсюда вместе со своими тряпками. Когда в доме гости, слуги не должны чистить и убирать в комнате, где те находятся!

— Сейчас как раз подходящий случай, пока нет хозяина, — произнесла я громким голосом. — Он ненавидит, когда я беспорядочно сную между предметами в его присутствии. Уверена, что мистер Эдгар простит меня.

— Я ненавижу тебя, когда ты суетишься в моем присутствии! — тотчас властно воскликнула молодая леди, не давая своему гостю возможности что-либо ответить. Она до сих пор не успела успокоиться после полемики с Хитклифом.

— Я прошу меня простить, мисс Кэтрин, — отреагировала я, и рьяно продолжила заниматься своим делом.

Думая, что Эдгар не может ее видеть, она выхватила у меня из рук тряпку, и ущипнула меня за руку, злобно и долго скручивая мою кожу. Я уже говорила, что недолюбливала ее и иногда охотно наслаждалась, умиряя ее тщеславие, тем более, что ущипнула она меня чрезвычайно больно. Так что я вскочила с колен и пронзительно заорала:

— Ах, мисс, это отвратительная уловка. Вы неправы, щипая меня, и я не собираюсь терпеть это!

— Я не трогала тебя, лживая тварь! — прокричала она, а ее пальцы уже готовились ущипнуть меня во второй раз. Ее уши стали красными от ярости. Ей никогда не удавалось скрывать свой гнев, при этом ее лицо всегда пылало.

— В таком случае, что же это? — парировала я, указывая на бесспорную улику — багряный след от щипка, свидетельствующий о несостоятельности ее доводов.

Она топнула ногой, на мгновение заколебалась, а затем, движимая непокорным духом, сидящим внутри нее, с силой ударила меня по щеке. Удар был таким жгучим, что мои глаза вмиг наполнились слезами.

— Кэтрин, дорогая! Кэтрин! — вмешался Линтон, до крайности потрясенный двойным проступком: вероломством и насилием его идола, на которые этот идол пошел преднамеренно.

— Выйди из комнаты, Эллен! — повторила она, дрожа всем телом.

Маленький Хертон, который всюду следовал за мной, где бы я ни была, сидел возле меня на полу. Увидев мои слезы, он начал плакать и сам. Своими всхлипываниями он выражал недовольство против «злой тети Кэтти», чем привлек и ее гнев на свою бедную голову. Она схватила его за плечи и стала трясти до тех пор, пока он не сделался мертвенно-бледным. Эдгар, не раздумывая, схватил малыша на руки, чтобы освободить его, и в то же мгновение его скрутило от боли. Изумленный молодой человек почувствовал, что ему хорошенько приложили по его собственным ушам, да так, что это никоим образом не может быть растолковано как шутка. Он отпрянул в испуге. Я взяла Хертонна на руки и вышла с ним из кухни, оставив двери открытыми, — мне было интересно посмотреть, как они станут улаживать свое разногласие.

Оскорбленный визитер переместился на место, где он оставил свою шляпу, бледный и с дрожащими губами.

«Все правильно! — сказала я сама себе. — Получил предупреждение, и поди вон! Вам любезно предоставили возможность получить некоторое представление об ее истинном нраве».

— Куда Вы собрались? — потребовала ответа Кэтрин, подойдя к двери.

Он свернул в сторону и попытался пройти.

— Вы не должны уходить! — крикнула она повелительно.

— Я должен уйти, и уйду! — ответил он сдавленным голосом.

— Нет! — настаивала она, ухватившись за дверную ручку. — Пока нет, Эдгар Линтон. Вы не покинете меня в таком состоянии. Я буду убиваться всю ночь, и буду несчастной из-за Вас!

— Разве я могу остаться после того, как Вы ударили меня? — отвечал Линтон.

Кэтрин оставалась безмолвной.

— Вы испугали меня, и мне стыдно за Вас! — продолжил он. — Я не вернусь сюда снова.

Ее глаза заблестели, а губы стали подергиваться.

— И Вы преднамеренно сказали неправду, — добавил он.

— Нет, не сказала! — закричала она, снова беря слово. — Я не делала ничего *нарочно*. Ладно, идите, если Вам так хочется. Ступайте прочь! А теперь я буду плакать, плакать от своей боли!

Она опустила на колени у своего кресла и залилась такими горькими слезами, что это стало вызывать опасения.

Эдгар настаивал на своем решении так долго, как мог, однако реализация его намерения начала затягиваться. Я решила приободрить его.

— Мисс чрезвычайно своенравна, сер, — высказалась я. — Она настолько же скверная, как испорченный ребенок. Будет лучше, если Вы сядете на коня и отправитесь домой, иначе она и впрямь заболит, лишь бы только огорчить нас.

Милый юноша искоса глянул в окно — он был неспособен выйти из дома, как кошка не в силах оставить придушенную мышь или наполовину съеденную птичку.

— Ах, — думала я, — здесь ему не будет спасения, он обречен, и судьба его предрешена!

Так все и произошло. Он резко повернулся, поспешил снова зайти в дом, и запер за собой двери. Некоторое время спустя домой вернулся Ирншоу, ужасно пьяный, готовый вытянуть за уши всех и вся из дома (его обычное состояние рассудка в этом состоянии). И когда я зашла сообщить об этом Кэтрин и Эдгару, то увидела, что их ссора лишь способствовала возгоранию страсти: сломала внешние преграды юношеской застенчивости и дала им возможность скинуть маски дружбы и признаться друг другу в любви.

При появлении мистера Хиндли Линтон опрометью кинулся к своему коню, а Кэтрин — в свою комнату. Я же пошла прятать маленького

Хертон, а заодно вытянуть пули из обреза охотничьего ружья, из которого хозяин любил пострелять в своем безрассудном возбуждении, подвергая опасности жизнь любого, кто его спровоцирует, или просто привлечет его внимание сверх меры. У меня же был план, как избежать такой опасности, или хотя бы (если все же хозяин начнет палить из ружья), причинил меньше вреда.

Глава IX

Он вошел, горлая ругательства, которые было страшно слушать, и застал меня за тем, что я прятала его сына, засовывая того в кухонный шкаф. Хертон был впечатлительным и беспокойным ребенком, которому приходилось сталкиваться с неожиданными проявлениями двойкой природы своего отца: необузданной животной любовью и неистовой яростью. В первом случае он подвергался опасности быть задушенным в объятиях и зацелованным до смерти, во втором — что его бросят в огонь или ему разmozжат голову, швырнув об стену. Поэтому несчастное создание хранило совершеннейшее безмолвие в любом месте, куда бы я его ни положила.

— Ага, вы здесь! Наконец-то я его нашел! — воскликнул Хиндли, оттаскивая меня за шкуру, как собаку. — Клянусь небесами и преисподней, вы сговорились убить этого ребенка! Я знаю, что так оно и есть, потому что его никогда нет рядом со мной. Но, с помощью дьявола, я заставлю тебя проглотить этот нож, Нелли! Тебе будет не до смеха, ибо я только что опустил Кеннета вниз головой на самое дно болота Черная Лошадь. А где один, там и второй. Мне так и хочется убить кого-нибудь из вас, и я не успокоюсь, пока не сделаю этого!

— Но мне не по вкусу нож, мистер Хиндли, — ответила я. — Я резала им копченую сельдь. Я бы предпочла, если Вам будет угодно, быть убитой от выстрела.

— Мне угодно, чтобы ты была проклята! — сказал он. — И так оно и будет. В Англии запрещено законом препятствовать человеку сохранять свой дом в благопристойности, а мой дом отвратителен!

— Открой свой рот! — в его руке был нож; он ткнул им мне между зубов. Со своей стороны, я никогда особо не боялась его выходок. Я сплюнула, и торжественно подтвердила, что его вкус отвратителен, и я не возьму его в рот ни под каким предлогом.

— Ага! — сказал он, освобождая меня. — Я вижу, что отвратительный маленький негодяй — не Хертон. Я прошу у тебя прощения, Нелли. Если бы это был он, он бы заслужил быть освежеванным заживо за то, что не выбежал поприветствовать меня, а теперь орет так, будто я привидение. Гадкий щенок, поди сюда! Я научу тебя, как надо встречать добросердечного доверчивого отца. Слушай, как ты думаешь, парень станет красивее, если ему обрезать уши? Собак это делает более свирепыми. А я люблю все свирепое, пусть даже самую малость. Дай-ка мне ножницы!.. Свирепое и аккуратное! Кроме того, это какое-то дьявольское притворство, чертово тщеславие — лелеять свои уши; с ними или без них, мы и так сушие дураки. Тише, малыш, тише! Ты мой дорогой, желанный. Вытри глазки; вот они уже и веселые. Поцелуй меня. Что?! Ты не хочешь? Поцелуй меня, Хертон! Будь ты проклят, поцелуй меня! Ради Бога, как я вырастил такое чудовище? Я сверну шею этому отродью, клянусь своей жизнью!

Несчастный Хертон пронзительно вопил; он брыкался в руках своего отца изо всех сил, и закричал еще громче, когда тот отнес его наверх на лестницу и поднял над перилами. Я крикнула, что он перепугает ребенка так, что с ним случится припадок, и ринулась спасать малыша. Когда я подбежала к ним, Хиндли наклонился над перилами, прислушиваясь к шуму внизу; он уже почти забыл, что он держит в руках.

— Кто это? — спросил он, прислушиваясь, как кто-то приближается к лестнице.

Я тоже подалась вперед, намереваясь подать знак Хитклифу, шаги которого узнала, чтобы тот не шел дальше. И в тот момент, когда я отвела взгляд от Хертонa, он неожиданно дернулся, освободившись от отцовской хватки, удерживавшей его, и упал.

Нас уже было охватила дрожь от ужаса, как вдруг мы увидели, что маленький несчастный человек абсолютно невредим и находится в полной безопасности. Хитклиф оказался внизу как раз в тот критический момент, когда, повинуясь природному импульсу, он остановил Хертонa в его падении, и поставив того на ноги, посмотрел наверх, чтобы узнать, кто является виновником этого несчастного случая. Скрыга, который потерял счастливый лотерейный билет стоимостью в пять шиллингов, и узнавший на следующий день, что он остался без выигрыша в пять тысяч фунтов стерлингов, не сможет изобразить на лице большую растерянность, чем изобразил Хитклиф, увидев наверху мистера Ирншоу. Выражение его лица лучше любых слов передавало то огромное страдание, которое он испытывал от того, что сам разрушил им же разработанный план мести. Если бы это все происходило в темноте, то, думаю, он бы наверняка исправил ошибку, размозжив череп Хертонa об ступеньки. Но мы все были свидетелями спасения малыша, а я к тому времени уже стояла внизу с драгоценным грузом в руках, который прижимала к своему сердцу. Хиндли спустился вниз медленнее обычного, отрезвевший и обескураженный.

— Это твоя вина, Эллен, — сказал он. — Ты должна была глаз с него не спускать. Ты должна была отобрать его у меня. Он пострадал как-то?

— Пострадал! — крикнула я гневно. — Если он не убит, то будет идиотом! Я удивлена, что его мать не восстала из могилы посмотреть, как Вы обращаетесь с ним! Вы хуже варвара: обращаетесь с Вашей собственной плотью и кровью таким образом!

Он попытался погладить ребенка, который, стоило лишь мне взять его на руки, позабыл о пережитом ужасе и перестал плакать. Однако стоило отцу дотронуться до него лишь пальцем, как тот закричал снова, громче прежнего, и забился так, как будто у него начинаются конвульсии.

— Вы к нему не лезьте, — продолжила я. — Он ненавидит Вас, они все Вас ненавидят, и это правда! Счастливая же у Вас семья! Да и сами Вы, до какого замечательного состояния себя довели!

— И, все же, Нелли, я стану еще лучше! — со смехом произнес заблудший человек, возвращая себе свою суровость. — А теперь уходи сама и его заведи подальше. И ты, Хитклиф, слушай! Освободи меня от своего присутствия полностью, чтобы я тебя не видел и не слышал. Я не буду убивать тебя сегодня вечером, ну разве что устрою пальбу в доме, но это уж как мне заблагорассудится.

Говоря это, он взял бутылку с кухонного шкафа для посуды, и налил в бокал немного бренди.

— Нет, не делайте этого, — умоляла я. — Мистер Хиндли, примите во внимание знак свыше. Имейте сострадание хотя бы к этому несчастному мальчику, уж если Вы нисколько не заботитесь о себе.

— Ему хоть с кем будет лучше, только не со мной, — ответил он.

— Пощадите Вашу душу! — сказала я, пытаюсь забрать стакан из его руки.

— Это не ко мне! Наоборот, я получу огромное удовольствие, отправляя душу на погибель, в наказание ее создателю! — воскликнул богохульник. — Это ей на вечные муки!

Он выпил алкоголь и нетерпеливо приказал нам уйти, завершив свой приказ проклятиями; слишком ужасными, чтобы повторять их или припоминать.

— Жаль, что он не может убить себя выпивкой, — заметил Хитклиф, бормоча вдогонку ругательства после того как дверь закрылась. — Он делает для этого все возможное, но его крепкое телосложение мешает ему. Мистер Кеннет сказал, что готов биться об заклад на свою кобылу, что Ирншоу переживет любого мужчину по эту сторону Джиммертона, и отправится в могилу седовласым грешником, если только некая счастливая случайность общего свойства не приключится с ним.

Я отправилась на кухню и села убаюкивать моего маленького ягнечка. А Хитклиф, я думала, отправился на конюшню. Как выяснилось впоследствии, он лишь дошел до задней части кухни, постоял немного, а затем расположился на скамейке у стены, что дальше от огня, и оставался там в безмолвии.

Я укачивала Хертонна на своих коленях и напевала песню, начинающуюся так:

*Плачет маленький ребенок, маму ищет он спросонок,
Только мама не спешит, под землей она лежит,*

когда мисс Кэтти, слышавшая весь этот шум из своей комнаты, просунула свою голову в кухню и прошептала:

— Ты совсем одна, Нелли?

— Да, мисс, — ответила я.

Она вошла и подошла к камину. Я, думая, что она хочет что-то сказать, подняла на нее глаза. Ее лицо выглядело встревоженным и озабоченным. Ее губы были полуоткрыты, будто бы она намеревалась что-то произнести. Она набрала в себя воздух, но он вырвался вздохом вместо слов. Я опять завела свою песню, не забывая о ее последней выходке.

— Где Хитклиф? — сказала она, прерывая меня.

— В конюшне. Выполняет свою работу, — был мой ответ.

Он не возразил мне. Возможно, он впал в дрему. Затем последовала еще одна продолжительная пауза, во время которой я заметила пару капель, которые сбежали по ее щеке и зависли. «Это так она раскаивается за свое постыдное поведение? — спросила я сама себя. — Это было бы чем-то новеньким, но она сама должна придти к тому, чтобы попросить прощения, я не стану ей помогать! Но нет, она испытывает лишь небольшое огорчение по поводу другого человека, за исключением тех неприятностей, которые касаются непосредственно ее».

— О, дорогая! — воскликнула она, наконец. — Я так несчастна!

— Сожалею, — заметила я. — Вам тяжело угодить. Так много друзей, так мало забот. А Вы все чем-то недовольны!

— Нелли, ты сохранишь мой секрет? — продолжала она, стоя подле меня на коленях, и глядя на меня своим притягательным взглядом. Она умела смотреть на меня так, что я напрочь забывала о ее плохом характере, даже когда было достаточно причин помнить о нем.

— Он заслуживает того, чтобы его хранили? — допытывалась я, уже менее мрачно.

— Да, и это мучит меня, я должна поделиться им с кем-то. Я хочу знать, что могу это сделать. Сегодня Эдгар Линтон предложил мне выйти за него замуж, и я дала ему ответ. Нет, прежде чем я сообщу тебе, что это было — согласие или отказ — скажи мне, каким он должен быть.

— Ну право, мисс Кэтрин, как я могу знать? — ответила я. — Принимая во внимание Ваше демонстративное выступление сегодня после обеда в его присутствии, я с уверенностью могу сказать, что было бы мудро отказать ему. Поскольку он сделал предложение после этой сцены, то он должен быть или неисправимо глупым, или безрассудно храбрым дураком.

— Если ты так говоришь, то я тебе больше ничего не скажу! — ворчливо ответила она, поднимаясь на ноги. — Я приняла его предложение, Нелли. Быстро скажи мне, я что, поступила неправильно?

— Вы приняли его предложение! Тогда какая польза обсуждать это? Вы связали себя обещанием, и теперь не можете от него отказаться.

— Но скажи, я должна была принять предложение? Скажи! — воскликнула она с раздражением в голосе, соединяя свои ладони вместе.

— Существует много вещей, которые следует обдумать, прежде чем можно будет дать должный ответ, — сказала я нравоучительно. — Первое, и самое главное: Вы любите мистера Эдгара?

— Кто может подсказать ответ? Конечно люблю, — ответила она.

Тогда я устроила ей следующий допрос (для девушки двадцати двух лет это не было неразумным или несвоевременным):

- Почему Вы его любите, мисс Кэтти?
- Глупый вопрос. Я люблю, и этого достаточно!
- Тем не менее, Вы должны ответить; почему?
- Ну хорошо, потому что он красивый, и с ним приятно находиться.
- Плохо! — был мой комментарий.
- И потому что он молодой и веселый.
- Все еще плохо.
- И потому что он любит меня.
- В данном случае, это не так важно.
- И он будет богатым, а я хочу быть самой знаменитой женщиной в округе, и я должна гордиться тем, что имею такого мужа.
- Это худшее из того, что может быть. А теперь скажите, как Вы его любите?
- Как все любят; ты глупа, Нелли.
- Как все любят — это не ответ.
- Я люблю землю под его ногами, воздух на его головой, все, чего он касается, каждое слово, сказанное им. Я люблю каждый его взгляд и все его поступки, люблю его целиком и полностью. Довольна?
- А почему?
- Ты превращаешь это в насмешку. Это очень плохо. Для меня это не шутки, — сказала молодая леди, сердясь и поворачиваясь лицом к огню.
- Я очень далека от того, чтобы шутить, мисс Кэтрин, — заметила я. — Вы любите мистера Эдгара за то, что тот красив, молод, весел и богат, и любит Вас. Последнее, однако, не так уж и важно; возможно, Вы полюбили бы его без этого, а с этим не захотели бы, если бы он обладал лишь четырьмя первыми достоинствами.
- Нет, конечно нет! Я бы лишь жалела его. Возможно, я не хотела бы видеть его, если бы он был безобразным, или изображал из себя клоуна.
- Но ведь есть и другие мужчины в мире: красивые, богатые и молодые. Возможно, даже красивее и богаче, чем он. Что может помешать Вам любить их?
- Если таковые и существуют, то они находятся вне поля моего зрения; я не видела ни одного, подобного Эдгару.
- Вы можете еще повстречать кого-то из них, однако Эдгар не сможет всегда оставаться и красивым, и молодым, и, возможно, он не всегда будет богатым.
- Он является таковым сейчас, а я имею дело только с настоящим. Я бы хотела, чтобы ты высказывалась рационально.
- Хорошо, это решает проблему: если Вы собираетесь иметь дело лишь с настоящим, тогда выходите замуж за мистера Линтона.
- Я не нуждаюсь в твоём разрешении для этого, я и так *выйду* за

него замуж. И все же, ты до сих пор не сказала мне, права ли я.

— Совершенно правы, если Вас интересует замужество только на теперешний момент времени. А теперь давайте выясним, что Вас так огорчает относительно брака. Ваш брат будет доволен, старая чета Линтонов возражать не будет. Думаю, Вы переберетесь из неухоженного, неуютного жилища в богатый и респектабельный дом, к тому же Вы любите Эдгара, а Эдгар любит Вас. Все кажется так просто и легко, где проблема?

— Здесь! И здесь! — ответила Кэтрин, ударяя себя одной рукой по лбу, а другой по своей груди. — Где бы ни жила душа. И душой, и своим сердцем я уверена, что совершаю ошибку.

— Это очень странно! Мне этого не понять.

— Это и есть мой секрет. Если ты не будешь надо мной смеяться, я тебе объясню. Я не могу сделать это внятно, но я передам тебе ощущение, что именно я переживаю.

Она снова расположилась подле меня, ее лицо погрузнело и помрачнело, а ее соединенные руки задрожали.

— Нелли, тебе никогда не сняться странные сны? — вдруг сказала она после минутного раздумья.

— Конечно сняться, время от времени, — ответила я.

— И мне тоже. В моей жизни мне снились сны, которые оставались со мной на какое-то время и меняли ход моих мыслей. Они проходили через меня, как вино проходит через воду, меняя оттенок моих мыслей. Вот, например, один из них. Я собираюсь рассказать его тебе, но пожалуйста, будь внимательна и не смейся, пока я буду рассказывать, о чем бы я ни говорила.

— Ну уж нет, мисс Кэтрин! — воскликнула я. — У нас и без того было достаточно горестей, не надо нас пугать еще и магией, призраками и видениями. Заканчивайте, заканчивайте с этим. Будьте веселы, оставайтесь самой собой! Посмотрите на маленького Хертон! Его сновидения отнюдь не печальны. Как сладко он улыбается во сне!

— Да, и как сладко его отец сыплет ругательствами, пребывая в своем одиночестве! Я полагаю, ты помнишь, когда он еще был совсем другим, таким, как это краснощекое существо, молодым и простодушным. Однако, Нелли, я заставлю тебя выслушать меня. Это недолго, а быть счастливой сегодня вечером у меня нету сил.

— Я не хочу это слушать, я не хочу это слушать, — повторяла я торопливо.

Я тогда была суеверной, что касается сновидений, такой осталась и до сих пор. А на лице у Кэтрин присутствовало такое необычайное уныние, что оно породило во мне ужасные опасения, предвещавшие жуткую

развязку. Кэтрин огорчило мое замечание, и она завела разговор на другую тему. Тем не менее, вскоре она вернулась к своему разговору о сновидениях.

— Если бы я оказалась на небесах, Нелли, я была бы крайне несчастна.

— Потому что Вы не заслуживаете, чтобы Вас туда отправили, — ответила я. — Все грешники были бы несчастны на небесах.

— Но я говорю об этом не для этого. Мне когда-то приснилось, что я там была.

— Я говорю Вам, что не хочу слушать о Ваших снах, мисс Кэтрин! Пойду-ка я спать, — прервала я снова.

Она засмеялась и усадила меня обратно, ибо я уже было подалась вперед, собираясь подняться со своего кресла.

— В этом нет ничего ужасного, — воскликнула она. — Я лишь только хотела сказать, что небеса не показались мне моим домом, и я разбила свое сердце, в рыданиях умоляя вернуть меня на землю. Ангелы были настолько сердиты, что выкинули меня посреди вересковой пустоши на вершине Грозового Перевала, где я и очнулась, плача от радости. Это объяснит тебе мой секрет так же хорошо, как и все остальное. Для меня замужество с Эдгаром Линтоном не более, чем мое пребывание на небесах, и если бы этот безнравственный мужчина тогда так не унизил Хитклифа, у меня бы и в мыслях не было выходить за него. Для меня замужество с Хитклифом сейчас означало бы опуститься на уровень ниже, а так он никогда не узнает, как я люблю его. И не потому люблю, что он такой статный, Нелли, а потому, что он больше я, чем я сама. Из чего бы ни были сделаны наши души, его душа и моя — это одно и то же, а душа Линтона настолько отлична, как лунный свет отличается от молнии, а мороз от пламени.

Прежде чем она договорила, я ощутила присутствие Хитклифа. Заметив легкое движение, я повернула голову и увидела, как он поднялся со скамьи и бесшумно крадется к выходу. Он слушал до тех пор, пока Кэтрин не сказала, что ее замужество с ним станет ее деградацией; дальше он слушать не стал. Моя спутница сидела на полу, а спинка скамьи была расположена так, что она не могла заметить ни его присутствия, ни его ухода; но я вздрогнула и предложила ей замолчать.

— Почему? — сказала она, нервно и пристально озираясь вокруг.

— Джозеф здесь, — ответила я, улавливая своевременное донесшийся звук от колеса его телеги, которую он катил по дороге вверх, — а с ним придет и Хитклиф. Я не уверена, что он не находился под дверью в этот момент.

— Ах! Но он же не мог случайно услышать меня от двери? — сказала она. — Дай я подержу Хертона, пока ты будешь нести ужин. А когда стол будет накрыт, пригласи меня поужинать вместе с вами. Меня мучают

угрызения совести, я хочу успокоить ее и убедиться, что Хитклиф даже представления не имеет, о чем мы говорили. Ведь не имеет, нет? Он не знает, что такое быть влюбленным!

— Не вижу причин, отчего бы ему не знать, впрочем, как и Вам, — подытожила я. — И если его избранницей являетесь Вы, то он будет самым несчастным созданием, что когда-либо появились на свет! Как только Вы станете миссис Линтон, он потеряет и друга, и любовь, и все! Вы подумали, как Вы вынесете разлуку? И как он перенесет это — быть покинутым в абсолютном одиночестве. Потому что, мисс Кэтрин...

— Абсолютное одиночество! Вынести разлуку! — воскликнула она с явным негодованием. — Кто нас может разлучить? Я умоляю! Их постигнет судьба Милона (*Милон Кротонский — греческий атлет, живший в VI веке до н. э., многократный победитель на олимпийских и пифийских играх; согласно легенде, под старость он попытался однажды голыми руками сломать дерево; его зажало между половинками надломленного ствола, и в таком беспомощном положении он был съеден дикими зверями*). Никому из смертных это не под силу! И никогда, пока я жива. Скорее род Линтонов будет стерт с лица земли и превратится в пыль, прежде чем я бы согласилась оставить Хитклифа. Нет, это не то, чего я хочу, это не то, что я имею в виду. Я не стану миссис Линтон, если за это придется заплатить такую цену! Хитклиф будет так же много значить для меня, как это было в течение всей его жизни. Эдгар должен будет отказаться от неприязни к нему и быть терпимым. Он просто обязан будет сделать это, когда узнает о моих истинных чувствах к Хитклифу. Нелли, я вижу, ты считаешь меня эгоистичной негодяйкой; а тебе никогда не приходило в голову, что если мы с Хитклифом поженимся, то мы будем нищими? А когда я выйду замуж за Линтона, я смогу помочь Хитклифу подняться, и я вызволю его из-под гнета своего брата.

— На деньги Вашего супруга, мисс Кэтрин? — спросила я. — Думаю, Вы найдете его не таким уступчивым, как рассчитываете. И хоть я не судья, но думаю, что это наихудший мотив, который вы избрали еще до того, как стать женой молодого Линтона.

— Совсем нет, — возразила она, — это лучший мотив! Все остальное было бы компенсацией за мои прихоти, а также ради самого Эдгара тоже, его удовлетворения. На самом деле это все ради того единственного, кто заключает в своей персоне мои чувства и к Эдгару, и к себе самой. Я не могу выразить это словами, но несомненно, и ты, и любой другой человек имеете представление о том, что в этом мире существует (или должно существовать) наше «я» за пределами нас самих. Какая была бы польза от создания меня, если бы я полностью была заключена лишь в себе самой? Мои самые величайшие страдания — это были страдания Хитклифа; я

наблюдала и чувствовала каждое из них с самого момента их появления. Мои самые величайшие помыслы в жизни — это он сам. Если бы все остальное погибло, а *он* остался, я бы все еще продолжала существовать. А если бы все осталось, а *его* не стало, то вселенная превратилась бы в огромного чужака, и тогда мне не будет казаться, что я ее часть. Моя любовь к Линтону напоминает листву на деревьях, время изменит ее, я это прекрасно понимаю, как зима меняет деревья. Моя любовь к Хитклифу похожа на вечные камни под земным покровом. Они — источник радости, малозаметный источник, но такой необходимый. Нелли, я — это Хитклиф! Он всегда, всегда в моей душе! Не как удовольствие, не как кто-то, за кого я радуюсь больше, чем за себя, а как мое собственное естество. Так что не говори мне снова о нашей разлуке, это невозможно, и...

Она прервалась и уткнула свое лицо в складки моего платья, но я резко отдернула его. Я была вне себя от ее безрассудства.

— Если я и могу отыскать хоть какой-то здравый смысл в Вашем вздоре, мисс, — сказала я, — так это лишь то, что я убеждаюсь: Вы несведущи в обязанностях, которые Вам предписаны к исполнению в замужестве, или что Вы испорченная, беспринципная девушка. И не беспокойте меня больше Вашими секретами, я не обещаю хранить их.

— Но прежние ты сохранишь? — спросила она пылко.

— Нет, этого я не обещаю, — ответила я.

Она может быть стала бы настаивать, но вошел Джозеф, и наш разговор закончился. Кэтрин перебралась со своего места в угол и нянчила Хертона, я же в это время готовила ужин. После того, как он был приготовлен, мой приятель-слуга и я начали спорить, кто из нас понесет ужин мистеру Хиндли. Мы так и не уладили этот вопрос, хоть еда стала почти холодной. Затем мы пришли к соглашению, что мы забыли его спросить, а хочет ли он вообще хоть что-нибудь. Нам было страшно ходить к нему по одному, особенно, когда он уже некоторое время пребывал в одиночестве.

— Ну, разве он не тупица, раз не вернулся с поля к этому времени? О чем он думает? Бездельник, вижу, насмехается над нами, — требовал ответа старик, оглядываясь вокруг в поисках Хитклифа.

— Я позову его, — ответила я. — Он в конюшне, я не сомневаюсь.

Я пошла и звала его, но безрезультатно. Возвратившись, я прошептала Кэтрин, что уверена в том, что Хитклиф слышал большую часть из того, что она сказала. Я также сказала, что видела, как он выходил из кухни сразу после того, как она посетовала на поведение ее брата относительно Хитклифа. Кэтти испугалась так, что аж подскочила на месте. Она оставила Хертон в кресле и побежала разыскивать своего друга сама, не удосужившись побеспокоиться о том, чтобы обдумать, что ее так

изволновало, и как именно ее слова могли задеть Хитклифа.

Ее не было так долго, что Джозеф предложил нам не ждать ее более. Он хитро предположил, что они специально ушли так далеко, чтобы избежать его продолжительной затрапезной молитвы.

— Они так нечестивы, что способны лишь на греховные поступки, — торжественно заявил он. И, выполняя свой долг, в этот вечер он добавил к обычной четвертьчасовой молитве перед ужином еще один специальный молебен. Он добавил бы еще одну молитву, если бы не ворвалась его молодая хозяйка и не остановила его торопливым приказом — Джозеф должен был бежать вниз по дороге, и куда бы Хитклиф ни забрел, найти его и тотчас возвратить домой.

— Я хочу, и я *должна* поговорить с ним, прежде чем поднимусь наверх, — сказала она. — Ворота открыты, он где-нибудь вне пределов слышимости, потому и не отвечает, хоть я и кричала сверху, сложив рупором ладони, и так громко, как могла.

Джозеф протестовал поначалу, однако она была настроена очень серьезно и не стала терпеть возражений, так что, в конце концов, он водрузил себе на голову шляпу и ушел, продолжая ворчать. Тем временем Кэтрин расхаживала вверх и вниз по этажам, восклицая:

— Меня интересует: где он? Меня интересует: где он может быть? Что я такого сказала, Нелли? Я не помню. Может он был раздосадован моим плохим настроением сегодня после обеда? Дорогая, скажи мне, что я такого сказала, что так огорчило его? Я хочу, чтоб он пришел. Я хочу, чтобы он вернулся!

— Что за шум из ничего? — крикнула я, несмотря на то, что сама испытывала определенное беспокойство. — Что за пустяк пугает Вас! Нет никакой уважительной причины бить тревогу, просто Хитклиф решил прогуляться по вересковой пустоши при лунном свете. А может и более того — залечь на сеновале и угрюмо бранить нас, лежа на сене. Я, пожалуй, присоединюсь к поискам и гляну его там. Вот увидите, я выволоку его оттуда.

Я отправилась на поиски Хитклифа, однако их результаты принесли разочарование; Джозеф возвратился с таким же плачевным результатом.

— Этот парень таки накличет на всех беду! — заметил он, возвращаясь. — Он вышел через ворота и оставил их распахнутыми настежь. И лошадка мисс Кэтти ускакала вниз, пробежалась по кукурузным посевам, а через них — прямо на луг. Наутро хозяин будет злой как черт. Но, сколько веревочке ни виться, все равно конец будет. Мистер Ирншоу — само терпение с этим легкомысленным, отверженным изгоем Хитклифом, он — само терпение! Но всегда таким он не будет, вы увидите, увидите все! Неужто хозяин не вышибет из головы Хитклифа эти

глупости!?

— Ты нашел Хитклифа, тупица? — прервала Кэтрин. — Ты разыскивал его так, как я велела?

— Я бы с большим желанием поискал лошадку, — ответил Джозеф. — Было бы больше толку. Но в такую ночь не сыщешь ни лошади, ни человека. Ничего не видать — все черно, как в трубе. Да и Хитклиф не из тех, кто откликнется на мой зов. Уверен, он будет меньше упорствовать, услышав Вас.

Это был и впрямь очень темный вечер для лета: в налетевших тучах слышались раскаты грома, и я сказала, что будет лучше, если мы все останемся дома и не станем ничего предпринимать, а приближающийся дождь несомненно приведет Хитклифа домой без лишних хлопот. Однако это не убедило Кэтрин успокоиться. Она продолжала бродить туда-сюда, от ворот до дверей в состоянии беспокойства, которое не давало ей покоя, и наконец застыла неподвижно с одной стороны ограды, возле дороги, не обращая внимания на мои увещевания, на раскаты грома и крупные капли, которые начали шлепаться вокруг нее. Она оставалась стоять на прежнем месте, зовя время от времени Хитклифа, и прислушиваясь, не прозвучит ли ответ. И вдруг она заплакала навзрыд. В этом необузданном припадке плача она рыдала горше Хертон, горше любого другого ребенка.

Около полуночи, в то время как мы еще бодрствовали, над Перевалом разразилась сильная гроза. Она бушевала со всем неистовством. Дул яростный ветер, гроыхали ужасные раскаты грома, и вдруг, то ли ветер, то ли молния, полностью раскололи дерево, росшее на углу дома. Огромный сук упал поперек крыши и отбил часть дымоходной трубы от камина с восточной стороны. Камни с грохотом посыпались в камин, подняв клубы копоти. Мы даже подумали, что один камень залетел к нам, и у Джозефа подкосились колени. Он стал умолять Господа вспомнить почтенных старцев Ноя и Лота, и, как и в прежние времена, покарать неверующих и пощадить праведников. Я переживала какие-то особые чувства оттого, что Господь должен покарать и нас тоже. Иной, на мой взгляд, был мистер Ирншоу, и я схватилась за ручку его кабинета, чтобы узнать, был ли он жив до сих пор. Тот ответил достаточно внятно, в манере, которая заставила моего коллегу горланить громче прежнего о том, насколько глубоки и очевидны различия между праведниками, такими как он, и грешниками, такими как его хозяин. Тем не менее, минут через двадцать непогода стихла, позволив нам всем остаться невредимыми, за исключением Кэтти, которая основательно промокла из-за своего упрямства. Она упорно отказывалась пойти в дом, и оставалась стоять неподвижно у ворот с непокрытой головой. Она промокла настолько, насколько могли впитать в себя воду ее одежда и волосы. Она возвратилась и улеглась на скамью

лицом к спинке как была, промокшая насквозь, и закрыла лицо ладонями.

— Ну, мисс, — ахнула я, касаясь ее плеча. — Вы ведь не скрючились, ожидая своей кончины, правда ведь? Вы знаете, который сейчас час? Полпервого-ночи. Поднимайтесь, и идите в постель! Мы больше ни минуты не станем ждать этого безрассудного парня. За это время он должен был прийти уже до Джиммертон; думаю, сейчас он должен быть там. Он догадывается, что мы не дожидаемся его так допоздна. В конце концов, он понимает, что встать в такое время может лишь мистер Хиндли, и предпочтет избежать того, чтобы двери ему отпер хозяин.

— Нет, нет, он не в Джиммертоне, — сказал Джозеф. — Я бы не удивился, если б узнал, что он лежит на дне какой-нибудь ямы на болоте. Думаю, эта гроза разыгралась не просто так, и Вам следует быть осмотрительной, мисс, — следующей можете быть Вы. Возблагодарим небеса за все! Все работает сообща на благо тех, кто избран, и кто помечен Господом! Вы знаете, что сказано в Священном Писании? И он начал цитировать некоторые тексты, отсылая нас к текстам и стихам, где мы могли бы их найти.

Напрасно я умоляла упрямую девицу подняться и снять с себя промокшую одежду, так что я оставила Джозефа читать свои проповеди, а Кэтрин — дрожать. А сама отправилась в постель с маленьким Хертоном, который спал так крепко, как если бы все вокруг него спали. Я слышала, как Джозеф читал проповеди еще некоторое время после, потом слышала его медленные шаги на лестнице, а потом погрузилась в сон.

Спускаясь вниз несколько позже обычного, я увидела, что солнечные лучи пронизывают щели ставен, и что мисс Кэтрин до сих пор сидит возле камина. Двери в дом были все так же приотворены, солнечный свет проникал сквозь незакрытые окна. Хиндли к тому времени уже вышел и стоял возле кухонного очага, осунувшийся и вялый.

— Что тебя беспокоит, Кэтти? — говорил он, когда я вошла. — Ты выглядишь так же ужасно, как утопший щенок. Почему ты такая мокрая и бледная, дитя?

— Я была под дождем, — ответила она неохотно. — И я замерзла, вот и все.

— О, это она капризничает, — закричала я, — осознавая, что хозяин был относительно трезвым. — Она промокла под ливнем вчера вечером, и находилась здесь всю ночь напролет, а я не смогла упрямую ее пошевелиться.

Мистер Ирншоу пристально и с удивлением поглядел на нас.

— Ночь напролет, — повторил он. — Что же ее удерживало? Наверняка не боязнь грозы? С того времени прошло несколько часов.

Никто из нас не желал говорить об отсутствии Хитклифа, по крайней

мере так долго, как мы могли скрывать это, так что я ответила:

— Я не знаю, как ей это взбрело в голову — засиживаться до поздней ночи.

Кэтти же ничего не сказала. Утро было свежим и прохладным, я распахнула ставни, и некоторое время спустя комната наполнилась сладким запахом из сада. Но Кэтрин ворчливо окликнула меня:

— Эллен, закрой окно. Я ужасно замерзла!

Ее зубы стучали, она вся скукожилась и подсела поближе к почти что погасшим углям.

— Да она же больна, — сказал Хиндли, беря ее за запястье. — Полагаю, это результат ее бессонной ночи. Проклятье! Я не хочу больше переживать из-за чьих-то болезней. Что тебя вынудило выйти под дождь?

— Желание пофлиртовать, как обычно, — прокаркал Джозеф, пользуясь удобным случаем из-за нашей нерешительности, чтобы позлословить. — Будь я на Вашем месте, хозяин, я бы просто захлопнул ограду перед их лицами, всеми до одного, вежливо и однозначно. Не было и дня, в Ваше отсутствие, чтобы молодой кот Линтон не пришел сюда тайком. А миссис Нелли, тоже хороша! Все сидит на кухне и выглядывает Вас во все глаза. И как только Вы входите в одну дверь, Линтон тотчас выходит в другую. А потом появляется и сама важная леди, и ухаживания продолжаются уже с ее стороны! Ловкое поведение — тайные прогулки среди лугов после двенадцати ночи с неудачником, этим дьяволом в обличье цыгана, Хитклифом. Они думают, что я слеп и глух! Но я не таков! Я не судья, но я видел, как молодой Линтон приходил и уходил; а еще я видел, как ты (обращая свою речь ко мне), ни на что не годная распутная ведьма, как только услышала топот копыт хозяйской лошади, поднимающейся по дороге, в ту же минуту сорвалась с места и побежала в дом.

— Заткнись, шпион! — закричала Кэтрин. — Не смей дерзить в моем присутствии! Эдгар Линтон зашел вчера случайно. Хиндли, и это я сказала ему, чтобы он ушел, потому что я знала — тебе бы не понравилось встречаться с ним в том состоянии, в котором ты находился.

— Ты лжешь, Кэтти, в этом я не сомневаюсь, — ответил ее брат. — Ведь ты такая простодушная! Но в данный момент меня не интересует Линтон. Отвечай мне, уж не с Хитклифом ли ты была прошлой ночью? Говори правду, сейчас же! Ты можешь не бояться, что навредишь ему. Хоть я и ненавижу его еще больше, чем раньше, но некоторое время назад он сослужил мне хорошую службу, так что моя совесть не позволит мне скрутить ему шею. А чтобы точно не допустить этого, я отправлю его с самого утра заниматься своими делами. Ну а после того как он уйдет, я советую тебе быть начеку: я возьмусь за тебя как следует.